КРИСТИНА РОСС

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Кристина Росс

Второй Шанс

«Автор»
2026

Росс К.

Второй Шанс / К. Росс — «Автор», 2026

Можно ли победить тьму внутри себя, если твое прошлое вымощено чужими ошибками и сделками? Адам Джонсон уверен, что его судьба предопределена, пока случайная встреча в ночном экспрессе не сталкивает его с Крис — женщиной, чья жизнь трещит по швам под грузом выгорания, брака и особенного материнства.Эта книга — глубокая психологическая драма с элементами мистики, где за каждым женским образом скрывается реальная человеческая судьба и подлинная боль. Острые темы современности, исцеление через прощение и вера в то, что Вселенная способна дать каждому честный второй шанс на новое начало.Я верю, что в ком-то из героев вы обязательно найдете отражение собственной души. Позвольте этой истории пропустить вас через себя.

© Росс К., 2026
© Автор, 2026

Второй Шанс

Второй шанс.

Глава 1.

На пороге бури.

Раннее осеннее утро началось с непривычного. Стрелки часов застыли на отметке ровно шесть, но будильник, предусмотрительно выставленный на тройной повтор, молчал.

Адам спал крепко и безмятежно в своей просторной квартире на верхнем этаже высотки в престижном районе Нью-Йорка. Жилье было светлым, наполненным минималистичным воздухом, с панорамными окнами, открывающими вид на величественный, затянутый серым туманом Манхэттен. За стеклом шумел холодный осенний дождь, и сквозь пелену воды угадывались фигуры несгибаемых энтузиастов, которые, несмотря на непогоду, уже вышли на утреннюю пробежку. Под мерный стук капель спалось особенно сладко.

Но этот сон был иным. Адаму снилось то, чего он не видел уже много лет — образы из прошлого, от которого он так яростно и долго бежал. Внутри нарастало липкое, знакомое с детства предчувствие: этот сон снился неспроста. Он сигнализировал о том, что в самое ближайшее время должно произойти нечто неотвратимое, тяжелое, то, с чем ему отчаянно не хотелось снова сталкиваться.

Тишину разорвал резкий, настойчивый звонок телефона.

Адам резко распахнул глаза. Циферблат кричал о том, что время упущено безнадежно. До отправления поезда оставались считанные минуты. Ему нужно было срочно добраться до отдаленного городка Денвер — поезда в том направлении ходили всего раз в два дня, а билета на следующий он ждать просто не мог. Всего несколько часов назад пришла смс от тетушки Мэри: она писала, что плохо себя чувствует, и давно не видела Адама, пообещав приехать, а опаздывать было нельзя.

Он вскочил с кровати и решительным шагом направился в гардеробную. В свои тридцать девять лет Адам обладал той редкой, почти пугающей красотой, в которой благородство породы сочеталось с отпечатком пережитых бурь.

Высокий, с безупречным спортивным телосложением, он двигался с той выверенной грацией хищника, которую не могли скрыть ни домашняя одежда, ни годы внутренней борьбы. Его лицо казалось высеченным из камня мастером, знающим толк в идеальных пропорциях: волевой, с легким изломом подбородок, четко очерченные скулы и прямой, гордый нос, придающий облику выражение немой решимости.

Главным его магнитом были глаза — глубокие, бесконечно карие, обрамленные густыми ресницами и тонкими тенями усталости у внешних уголков. Темные, густые волосы были аккуратно зачесаны назад, открывая высокий лоб.

Адам надел безупречный костюм, темно-синие брюки идеального кроя безукоризненно сидели на его подтянутой спортивной фигуре, подчеркивая ширину плеч. Под расстегнутым двубортным пиджаком скрывалась простая, идеально выглаженная белая футболка из тончайшего хлопка. Завершали этот ансамбль безупречно белые кожаные кеды ручной работы.

Окинув себя взглядом в высокое зеркало в полный рост, Адам поправил лацкан пиджака, чувствуя себя собранным, уверенным и готовым к любому повороту этого дня.

В суматохе он даже не успел почистить зубы. Схватив заранее собранную сумку с документами, Адам вихрем вылетел из квартиры, захлопнув дверь.

Спускаясь по просторной лестнице к выходу из высотки, он вдруг внутренне подобрался, сдержанно качнув головой:

— Вот же... забыл предупредить Ричарда.

На ходу достав из кармана телефон, он набрал номер водителя. Тот ответил после первого же гудка:

— Слушаю, мистер Адам!

— Ричард, здравствуй. Я вчера не успел сказать тебе насчет того, что мне сейчас срочно нужно на вокзал... Ты сейчас где?

— О, мистер Адам, я буду у Вас минут через тридцать.

— Благодарю, Ричард, отбой, это слишком долго. Не нужно, я поймаю такси, — спокойно произнес он и, не дожидаясь ответа, завершил вызов.

На улице Нью-Йорк встретил его свинцовым небом и умытыми асфальтными реками. Мелкий дождь стегал по лицу, прохожие суетливо прятались под зонтами. Размахивая рукой, Адам бросился к дороге и чудом поймал желтое такси.

— Можно, пожалуйста, побыстрее? — умоляюще бросил он, едва захлопнув дверцу. — Если нужно, доплачу сверху, накину сколько скажете. Пожалуйста, мне очень нужно успеть на этот рейс. Очень.

Таксист недолго думая кивнул, взял щедрый аванс и тут же принялся лихо маневрировать в потоке.

В этот момент телефон в кармане завибрировал. Какой-то незнакомый номер настойчиво и яростно обрывал связь. Адам сбрасывал раз, второй, третий, но настойчивость абонента начала выводить из себя. Раздражённо проведя пальцем по экрану, он рявкнул:

— Да, алло, кто это? Зачем вы мне названиваете с самого утра пораньше?!

В трубке царила зловещая тишина. Кто-то на том конце провода тяжело, прерывисто и совсем неестественно дышал. От этого звука по спине пробежал холодок. Но времени на паранойю катастрофически не было. Он просто сбросил вызов и включил авиарежим.

Нервно глянув на часы, Адам спросил у водителя:

— Долго нам ещё? Скажите точно, сколько по времени?

Таксист медленно повернул голову. Взгляд у него был странно пронзительным, почти немигающим. Оценивающе окинув пассажира с ног до головы в полумраке салона, он глухо бросил:

— Ещё три минуты.

— Хорошо, спасибо, — выдохнул Адам и отвернулся, глядя на бегущие капли на оконном стекле.

Машина резко затормозила у вокзала. Не дожидаясь сдачи, Адам бросил водителю дополнительные купюры, выскочил под ледяной дождь и побежал.

Впереди сквозь пелену дождливого тумана проступил силуэт поезда. Зрелище было мрачным и донельзя эпичным.

— Погоди, погоди, стой! Не уезжай, не уезжай! — запыхавшись, он подлетел к проводнице у вагона и судорожно протянул документы.

Она с сомнением повертела бумаги, вгляделась в фотографию Адама, а затем строго спросила:

— С какой целью направляетесь в Денвер?

— А с какой целью это теперь интересует проводников? У меня это спрашивали уже сто раз! Можно меня не задерживать, поезд вот-вот тронется?!

Женщина презрительно фыркнула, вернула паспорт и махнула рукой:

— Проходите.

Стоило ему перешагнуть порог, как тяжёлая дверь захлопнулась, а состав плавно дернулся и поехал.

Адам шёл по узкому коридору вагона, выискивая нужную дверь. За окном медленно уплывал назад серый, дождливый Нью-Йорк.

Наконец он нашёл проводника, но тот виновато улыбнулся:

— Извините, произошла накладка. В вашем номере из-за предыдущих пассажиров случилась поломка, купе закрыто на срочный ремонт. Мы переселяем вас в VIP-купе под номером

93. Там весь комфорт высшего уровня, но у Вас будет сосед, свободных одиночных VIP-купе не осталось.

Адам устало потёр переносицу:

— Да мне уже всё равно. У меня было такое безумное утро, я просто хочу выпить кофе и забыться. Давайте сюда свои ключи.

Направившись по коридору дальше, он остановился у двери с табличкой «93».

И тут по телу прокатилась волна ледяной жути. На секунду он буквально начал задыхаться: сердце заколотилось где-то в горле, а в груди всё сжалось от липкого ужаса.

Адам испуганно прижал руку к груди и зашептал сам себе:

— Так, стоп. Что это происходит? Неужели я тоже начал страдать паническими атаками? Бред... Но нет. Это что-то извне.

Собрав остатки мужества, он постучал. Прошло минут пять, прежде чем замок щелкнул, и дверь отворилась.

Переступив порог, Адам оглянулся. VIP-купе оказалось неожиданно просторным и роскошным: мягкий темный диван, столик из полированного дерева и панорамное окно.

Бросив взгляд на попутчика, он планировал просто кивнуть и молча занять свое место. Но его взгляд споткнулся о фигуру в углу дивана.

Это была девушка. На вид — около тридцати. Адама заворожили ее большие карие глаза с пронзительным, глубоким взглядом, от которого по спине побежали мурашки. Бледная кожа, безупречные черные стрелки, строгие брюки палаццо и ладный пиджак — все выдавало в ней человека сдержанного и умного.

— Здравствуйте, — тихо произнес он.

Она подняла глаза, задержав на нем тяжелый, оценивающий взгляд:

— Здравствуйте.

Она тут же опустила ресницы и вернулась к телефону. Адам молча прошел к своему сиденью напротив и аккуратно расположил вещи.

Сняв смартфон с авиарежима, он попытался перезвонить на тот самый утренний номер. Гудки шли долго, но никто не ответил.

Раздраженно вздохнув, он зашел в мессенджер и заметил короткое сообщение от этого абонента:«Это была не точка, это было многоточие. Тебе никогда не удастся от меня скрыться».

Внутри все похолодело. Это послание звучало как открытая угроза из прошлого.

Сделав шаг к столику, Адам бросил мимолетный взгляд на незнакомку и вежливо произнес:

— Простите, вы не подскажете, где здесь поблизости можно заказать кофе? С утра совершенно не успел позавтракать.

Она подняла на него глаза и мягко улыбнулась:

— О, я сама с самого утра искала здесь персонал... Тоже сижу и страдаю со своей гипотонией...

— Так давайте я поищу, — тут же предложил он. — Какой кофе вы предпочитаете?

— Если вас не затруднит, латте с корицей.

— Будет сделано.

Проводник подсказал мини-буфет в соседнем вагоне. Оформив заказ и прихватив пару изысканных пирожных, Адам вернулся в купе.

— Удалось заказать? — подняла голову незнакомка.

— Да, всё отлично, — улыбнулся он, расставляя стаканы. — И я взял нам по пирожному. Давайте немного подсластим это дождливое утро.

— Утром можно. Немножечко поднимем инсулин и взбодримся.

Адам внимательно посмотрел на нее:

— Так, стоп. Сначала гипотония, теперь инсулин. Вы случайно не врач?

Она рассмеялась — легко и заразительно:

— Да, мы, медики, видимо, уже разучились общаться на нормальном языке... Да, я врач-офтальмолог.

Внутри приятно ёкнуло. Теперь стали понятна и ее осанка, и эта утонченная строгость.

— Знаете, а я по вашей манере держаться сразу догадался, что вы связаны с медициной.

Она снова подняла на него глаза и мягко улыбнулась.

И в этот миг реальность вокруг них словно поплыла. В голове Адама вихрем пронеслись чужие образы. Сознание без спроса провалилось в ее прошлое. Он отчетливо увидел маленькую девочку с большими карими глазами, которая испуганно прячется под кроватью, зажав уши ладошками, пока за ее спиной ругаются родители.

Адам резко зажмурился, и видение оборвалось. Почему? Почему эти проклятые видения снова вернулись? Он же потратил столько лет, чтобы заблокировать этот дар, научился жить без чужой боли. Но стоило ей посмотреть на него — и механизм сорвало с предохранителей.

Наваждение рассеялось под стук в дверь — сотрудник поезда принес кофе и пирожные.

Когда проводник вышел, купе наполнилось ароматом кофе. Девушка отпила глоток, блаженно прикрыла глаза и заговорила первой:

— Обожаю утренний кофе... Давайте знакомиться, а то едем вместе, а имён друг друга до сих пор не знаем. Меня зовут Крис.

— Очень красивое имя, — искренне ответил Адам. — Меня зовут Адам Джонсон.

— А чем занимаетесь вы, Адам?

И в этот момент Адама словно прорвало. Обычно он никому не доверял свои секреты, но сейчас, глядя в эти бездонные глаза, слова полились сами собой:

— Моя работа не так интересна... Я бизнесмен, руковожу разными проектами и благотворительным фондом имени моего брата — Джека Джонсона. В свободное время занимаюсь спортом. Ну, как-то так.

В этот момент зазвонил телефон. Тот самый утренний кошмар.

— Извините, мне нужно ответить.

Адам поднес трубку к уху. Голос из динамика был пугающе объемным, заполнявшим всё пространство купе:

— Адам... Крис хороша, может вспомнишь, что ты делал с такими как она раньше?

Сердце рухнуло в желудок. Пересилив оцепенение, он выскочил в узкий коридор и крикнул в трубку:

— Кто это?! Вы меня слышите?!

В ответ раздались короткие гудки, пробивавшиеся словно из параллельной вселенной.

Трясущимися пальцами Адам открыл мессенджер и начал надиктовывать голосовое сообщение, вкладывая в каждое слово накопившийся ужас:

— Что вам от меня нужно?! Откуда у вас мой номер? Если это немедленно не прекратится, я обращусь в полицию!

Он отправил файл и с жгучим отчаянием понял то, в чём боялся признаться самому себе. Ведь он прекрасно знал, чьё это было послание. И прекрасно понимал, чего от него добиваются...

Глава 2.

Тень из детства. Тишина, которую я не помню.

Адам застыл у узкого окна в конце коридора. За стеклом капли недавнего ливня ещё сползали вниз, но тучи уже разрывались, и сквозь них пробивались косые, ослепительные лучи солнца. Однако на душе было свинцово.

«Мне кажется, этот грохочущий поезд несётся не вперёд, а назад — в холодную, вязкую тьму. И никакое солнце уже не способно пробить эту броню из туч».

Он снова судорожно уткнулся в экран смартфона. Экран был холоден и безмолвен. Ни СМС, ни пропущенных, кроме того самого фантомного вызова.

«Подождите... сколько я здесь стою?»

Адам опустил глаза на часы и обомлел. Прошёл час. Целый, мать его, час он простоял здесь, парализованный страхом, пытаясь осознать, кто был на том конце провода и что вообще происходит с его жизнью. Время рассыпалось в пыль, испарилось, ускользнуло сквозь пальцы. Мозг раскалялся от перегрузки.

«Видимо, нервы сдают. Мне срочно нужно отключиться».

Вернувшись в полумрак купе, он застал Крис за работой. Она аккуратно откинула крышку тонкого ноутбука, и мягкий свет экрана упал на её безупречное лицо.

— Спасибо за кофе и интересную беседу, — подняв на него взгляд, произнесла она ровным, мелодичным голосом. — Вы не против, если я поработаю? У меня через полчаса конференция с коллегами, нужно подготовиться. Я ведь не буду вам мешать ?

— Да... конечно, Крис, — выдохнул он, чувствуя, как тело наливается тяжестью. — Конференция будет долгой? Пару часов ?

— Примерно так.

Адам кивнул и рухнул на свою полку. Он давно мечтал досмотреть тот нудный сериал, на который вечно не хватало времени. Натянув наушники, он сделал вид, что погрузился в видео. На самом деле кино было лишь декорацией.

«Мой внутренний мир горит синим пламенем. Мысли мечутся от жуткого телефонного звонка к её загадочному прошлому, к этому странному, удушливому притяжению, возникшему между нами».

Спустя пятнадцать минут Крис вышла на связь. Поезд мерно стучал колёсами, а в наушниках фоном доносился обрывками её строгий, уверенный голос. Она обсуждала с коллегами клинические случаи и сложные диагнозы, оперируя терминами, в которых Адам видел лишь сухой медицинский шифр.

Его взгляд снова и снова соскальзывал в её сторону. И тогда он заметил то, чего не разглядел раньше: на безымянном пальце правой руки поблёскивало тончайшее, почти незаметное обручальное кольцо. Приглядевшись сквозь прищуренные ресницы, Адам разглядел на нём изящную гравировку — две переплетённые буквы: «К» и «Э».

«Интересно... Такое незаметное, скромное колечко для такой роковой, неприступной девушки. Кто же твой хозяин, Крис?» — усмехнулся он про себя с горькой иронией.

Она продолжала вести совещание с абсолютно непроницаемым, холодным выражением лица. Но в следующую секунду экран её ноутбука качнулся, и в поле зрения появился ещё один участник. Этот голос Адам не слышал в самом начале. Стоило человеку подключиться к разговору, как в глазах Крис — на доли секунды, неуловимо для посторонних — мелькнули живые, обжигающие искры.

Адам закрыл глаза. В тот же миг реальность вагонного полумрака растворилась, уступая место резкому видению. На экране возник он: высокий брюнет с острыми, угловатыми чертами лица и глубокими, хищными карими глазами. Интуиция подсказала Адаму мгновенно: этот человек не обладает высокими моральными принципами, но чертовски хорошо умеет производить впечатление.

На экране раздался бархатный, самоуверенный голос новоприбывшего:

— Добрый день, коллеги. Прошу прощения за опоздание... отбивался от пациенток.

Адам, уткнувшись носом в подушку, злорадно хмыкнул про себя: «Ох уж этот дешёвый юмор типичного альфа-самца. От кого ты отбивался, приятель? Наверное, от собственного отражения в зеркале».

Но образы покатились кубарем, сменяя друг друга с лихорадочной быстротой. Адам вдруг отчётливо увидел Крис — одинокую, ссутулившуюся, горько плачущую в пустой комнате. И рядом с ней — этого самого брюнета.

«Пазл в голове трещит и отказывается складываться. Неужели он — её муж? Ведь кольцо на её пальце несёт букву "Э"...»

Вопросы множились, но сил искать ответы уже не оставалось.

Глаза налились свинцом. Его неумолимо, рывками затягивало в глубокую, илистую воронку сна. Сказывалась бессонная ночь, кошмары раннего утра и пережитый за день стресс. Грань между явью и галлюцинациями стёрлась окончательно: стук колёс поезда слился с голосами из видений, детские воспоминания о немом семилетнем мальчике переплелись с образом плачущей Крис, а потом наступила спасительная темнота.

Сон навалился тяжёлой, осязаемой плитой. Адам провалился в него так глубоко, что на мгновение растерялся:

«А что вообще реально? Реален ли этот вагон, реальна ли загадочная Крис с её тайной за миниатюрным кольцом, или всё это — лишь бред уставшего мозга, а настоящая жизнь осталась там, за пеленой лет, в стенах огромного, промёрзшего от одиночества белого особняка?»

Он стоял посреди залитой мягким светом заката комнаты и чувствовал, как замирает сердце. У окна, погрузившись в чтение, сидела она.

Его мать. Элен.

Женщина редкой, аристократической красоты, в чьих жилах текла чистая кровь старинного английского рода. Даже в простой домашней обстановке в ней чувствовалась та неуловимая породистость, что отличает людей высшего круга: тонкий, гордый профиль, безупречная осанка и удивительные, бездонные голубые глаза — те самые, в которых всегда плескалась тихая, неизбывная жалость к нему. Элен была высокой, стройной, с длинными, изящными пальцами музыканта или художника, на которых чуть заметно проступали следы прожитых лет. Её ногти были аккуратно подпилены, тёмные волосы собраны в сложную, но слегка растрепавшуюся причёску, а у уголков глаз и губ залегли едва заметные, благородные лучики морщинок.

Только она смотрела на него так. Только она и тётушка Мэри. Этот взгляд человека, который понимал: в целом жестоком мире у этого молчаливого мальчика нет никого, кроме неё.

Адам сделал шаг вперёд и, не сдержав подступивших к горлу рыданий, бросился к ней, крепко-крепко обхватив руками её хрупкие плечи.

«Боже... Я, взрослый мужчина, затерянный в темноте поезда, содрогаюсь от пронзительной физической правды этого сна. Я отчётливо, до мурашек на коже, улавливаю тонкий, забытый аромат её французских духов, смешанный с запахом старых страниц книги. Я чувствую тепло её тела и её глубокие, защищающие объятия. Паника холодной волной окатывает сознание: Неужели снова? Неужели я возвращаюсь туда? Я не хочу, пожалуйста, нет...»

Но остановить это было уже невозможно.

Элен мягко отстранилась, посмотрела на него своим привычным, полным бесконечного понимания взглядом и тихо произнесла:

— Ник, мы ночью поедем к дяде, который должен тебе помочь.

Воспоминания закружили с бешеной скоростью. Он помнил, как его, сонного и закутанного в тёплые вещи, одевали чужие заботливые руки. Помнил тот глухой ночной час, когда затих весь огромный дом.

Тогда, поздно ночью, Элен наклонилась к нему и заговорщицки шепнула:

— Поздно ночью, когда все лягут спать, мы кое-куда с тобой поедем, к одному дяде. Только папе и никому-никому ни в коем случае не говори. Это будет наш секрет, ладно? — она грустно усмехнулась краешком губ, проведя пальцем по его щеке: — Хоть один плюс в том, что ты не говоришь. Ты ведь тайну никому не расскажешь...

Их побег в ночь уходил корнями в фундамент их фамильного проклятия — величественного поместья семьи Джонсон.

Этот большой, ослепительно-белый особняк в викторианском стиле возвышался среди старого парка, поражая воображение своей архитектурой, колоннами и лепниной. Но за роскошным фасадом скрывалась леденящая душу пустота. Особняк был красив, но бесконечно, жутко одинок — точно так же, как и сама Элен.

«Я до сих пор, даже спустя десятилетия, не могу постичь умом одну простую вещь: как женщина из столь благородного, утончённого английского рода, воспитанная в традициях чести и достоинства, могла связать свою судьбу с моим отцом — Артуром Джонсоном? Человеком абсолютно чёрствым, беспощадным, монолитным в своей жестокости, напрочь лишённым даже зачатков эмпатии».

Для отца сын-немой был не ребёнком, а скорее досадной трещиной на фасаде безупречной семейной репутации.

Артур Джонсон был воплощением пугающей, безупречной мужской стати. При росте под метр девяносто он обладал плотным, ладно скроенным телосложением — ни грамма лишнего веса, его фигура выглядела высеченной из камня. Он был из тех мужчин, кто помешан на собственном превосходстве: регулярный спорт, идеальная осанка, тотальный уход за собой. Вся его вселенная вращалась вокруг трёх вещей: собственного отражения, процветающего семейного бизнеса, доставшегося от деда и отца, и неприступных стен фамильного особняка.

В его внешности читалась опасная, хищная порода: смоляно-чёрные волосы, пронзительные карие глаза, аккуратные брови, прямой волевой нос и резкий скуловой профиль. Но главным его оружием был тот самый прищюренный, с ленивым вызовом взгляд — обжигающий, гипнотический, от которого у женщин перехватывало дыхание. Именно этим взглядом он годами привораживал тех, кто с лёгкостью разбивал сердце Элен, заставляя её ночами захлёбываться от молчаливой боли.

Артур был человеком ледяной грубости. Внутри него словно напрочь отсутствовал орган, отвечающий за сострадание.

«Я с жгучей болью осознаю страшную иронию: внешне я был точной копией своего отца. Но для Артура это сходство становилось лишь поводом для ежедневных унижений».

Отец подходил к зеркалу, оглаживал свои массивные плечи и бросал сыну — хрупкому, молчаливому мальчику — ядовитые слова:

— Надо же, старший в мать пошёл, такой же белобрысый и голубоглазый... Нет бы в меня пойти, брутального красавчика. Нет же, этот немощный пошёл в меня.

Элен всегда чувствовала этот предел. Она молниеносно подлетала к сыну, прижимала его к себе так крепко, словно пыталась защитить от самого воздуха этого дома.

— Артур, не неси чушь, — срывающимся голосом бросала она мужу, после чего уводила заплаканного Ника наверх, в тишину детской.

Там, за закрытой дверью, усадив сына на кровать, она украдкой, быстрым движением пальцев смахивала со щёк собственные слёзы. Ей было невыносимо больно за себя, но ещё больнее — за этого беззащитного мальчика, который уже в детстве познал всю ядовитую горечь отцовского презрения.

Знакомство Артура и Элен казалось сюжетным поворотом из классического английского романа, но на деле обернулось для неё ловушкой. Всё началось на том самом помпезном деловом ужине, где за столом сошлись два влиятельных семейства — её отец и отец Артура.

Артур увидел её сразу. Элен в тот вечер блистала: безупречная осанка, изящное платье, манеры истинной леди и статус самой желанной, богатой невесты Лондона. Но двигало Артуром вовсе не светлое чувство. Его чёрствое сердце было неспособно на искреннюю привязанность — в нём взыграл чистый, холодный азарт хищника и гипертрофированное чувство собственничества. Самая красивое украшение столицы должно было стать его трофеем.

А Элен пропала в тот же миг. Ослеплённая его ошеломляющей мужской красотой и уверенностью, она влюбилась без памяти, не подозревая, что под этой безупречной маской скрывается абсолютный эмоциональный монстр.

Свадьба была громкой, но счастье оказалось недолговечным. Сначала родился старший брат, а спустя два года — Адам.

С тех пор дом превратился в золочёную тюрьму. Артур вечно пропадал на работе, а до Элен с пугающей регулярностью доходили слухи о его бесконечных изменах. Гордость британской аристократки не позволяла ей упасть в грязь лицом перед лондонским светом. Вернуться в родной город разведённой женщиной с двумя детьми на руках, да ещё и с молчаливым ребенком, требующим особой заботы? Никогда. Элен предпочла запереть свою боль на замок.

Всю нерастраченную нежность, всю надежду и всю горечь от разрушенной жизни она перенесла на младшего сына. Она оберегала его от каждого холодного взгляда мужа, растворяясь в мальчике без остатка. Для неё он был не обузой и не разочарованием, как для отца. Он был её спасением.

— Мой хвостик, — ласково шептала она вечерами, прижимая к себе.

«Я помню каждое её слово, каждый надломленный вздох в тишине детской спальни, куда не проникал холодный свет отцовского величия».

Наклоняясь над его кроватью, она зарывалась пальцами в его тёмные волосы, вглядывалась в его глубокие карие глаза — и в этот момент два совершенно разных мира сходились воедино: её светлые, пронзительно-голубые глаза, похожие на чистое летнее небо, и его тёмный взгляд. Казалось, будто свет и тьма молча смотрят друг на друга сквозь пелену прожитых лет.

— Я так верю в тебя, мой маленький... — шептала она, нежно гладя его по голове, пока по щеке скатывалась одинокая слеза. — Я верю, что однажды ты заговоришь. Я верю, что ты вырастешь и утрёшь нос своему папе. Ты ещё покажешь всем этим Джонсонам, как смеяться над моим ребёнком.

Она говорила с ним как с равным, доверяя самые страшные тайны своего разбитого сердца.

— Я хочу, чтобы ты заговорил, — продолжала она едва слышно, стискивая пальцами край одеяла. — Чтобы ты вырос и отомстил за меня своему отцу. Он очень плохой человек... Он причинил мне слишком много боли и просто забрал у меня мою жизнь.

Эти слова врезались в детскую память раскалённым железом. Адам замирал под одеялом, лихорадочно пытаясь осмыслить услышанное.

«Годы спустя, возвращаясь к тем воспоминаниям в полумраке вагонного купе, я снова и снова спотыкаюсь о ту жуткую фразу: "Он делает мне больно и физически, и морально"».

Тогда, будучи ребёнком, он сгорал от немого ужаса, не в силах задать вопрос, не имея возможности произнести хоть звук. Неужели он её бил? Но в памяти не всплывали крики — в их доме скандалы редко опускались до крика, всё тонуло в ледяном, удушливом молчании. Он не видел синяков на её изящном теле. Была лишь голая, беспощадная правда её глаз и этот страшный, тяжёлый завет, оставленный на будущее.

Если Адам был копией отца внешне, но душой принадлежал матери, то со старшим братом всё обстояло с точностью до наоборот. Брат унаследовал от Элен всю её утончённую британскую красоту: светлые вьющиеся волосы, бездонные голубые глаза, тонкую шею и безупречные черты лица. Смотреть на него было всё равно что смотреть на женский портрет работы старых мастеров.

Но стоило ему заговорить или сделать шаг — и иллюзия разрушалась. Внутри этого ангельского создания жил чистокровный, безжалостный Артур Джонсон.

Брат Джек рос удивительно чёрствым, холодным и расчётливым. В нём не было ни капли эмпатии к младшему, лишь слепое преклонение перед отцом и презрение к слабости. Он сты-

дился Адама. Когда посторонние люди или редкие гости в особняке спрашивали его, есть ли у него братья или сёстры, он с ледяным равнодушием чеканил:

— Нет, я единственный ребёнок в семье.

Он никогда не делился с ним игрушками, не подпускал к своим играм и даже не смотрел в его сторону как на равного. Зато регулярные сцены ревности закатывал с пугающей жестокостью. Он часто подходил к матери, впивался в неё своими красивыми голубыми глазами и с издевательской злостью бросал:

— Почему ты этого больного любишь больше, чем меня? Я — твоя надежда, я буду смотреть за тобой в старости... — после чего переводил тяжёлый взгляд на маленького брата, добавляя с откровенным отвращением: — А этого я сдам в какую-нибудь богадельню. Что с него взять? Он же больной.

Элен в такие минуты бледнела сильнее обычного. Ей было физически больно осознавать, что она родила копию того монстра, который разрушил её жизнь. Старший сын не только взял от отца всю его эмоциональную глухоту, но и открыто ненавидел ту безусловную любовь, которой мать окружала младшего.

«Я сидел в углу детской, слушая эти слова, и чувствовал, как внутри меня замерзает что-то живое. Мама подходила, обнимала меня за плечи, закрывая собой от этого чужого, красивого и страшного мальчика, который приходился мне братом, но был бесконечно далёк от понятия "семья"».

Глава 3.

Побег.

На циферблате массивных напольных часов в холле застыло 00:40. Глубокая, непроницаемая ночь укутала фамильное имение Джонсонов тяжелым черным саваном. В доме царила абсолютная, звенящая тишина, но для Адама это время не было сном — это был портал. Память с пугающей, почти физической четкостью оживляла ту самую ночь из далекого детства, словно он мог прямо сейчас пройтись босиком по ледяному паркету и заглянуть в каждую комнату этого мрачного замка.

Первой на пути его воспоминаний возникала родительская спальня. Отец спал крепко, размеренно и тяжело, точно властелин, отдыхающий после пролитой крови. Рядом с ним, затаив дыхание и боясь издасть хоть один звук, пыталась подняться с постели Элен. Ее изящный силуэт едва угадывался в бледных лунных лучах, пробивавшихся сквозь плотные бархатные портьеры.

Адам мысленно переступал порог комнаты старшего брата. Тот не спал. Мальчик сидел перед мерцающим экраном телевизора — в глубокой ночи шел жестокий боевик. Синий свет монитора выхватывал его абсолютно неподвижное, застывшее лицо, сосредоточенное до жуткого оцепенения. Он даже не моргал. Впрочем, это никого не удивляло: в нем с самого раннего возраста проступали пугающие задатки, странная, ледяная склонность к жестокости, от которой у окружающих стыла кровь.

А в детской на кровати лежал маленьким истуканом семилетний Ник. Он уставился широко открытыми глазами в темноту потолка, навечно запертый в своем безмолвном коконе.

Раздался едва слышный тихий скрип. В комнату бесшумно вошла она.

Миссис Хамфри. Верная, преданная до самозабвения няня. Элен привезла ее с собой прямиком из туманного Лондона — миссис Хамфри знала ее еще совсем крошечной девочкой, качала на руках и помнила ее первые шаги. Это была невысокая женщина с мягкими округлыми формами, пухлыми щеками и удивительно добрыми чертами лица. Стоило ей улыбнуться, как на ее щеках проступали глубокие, трогательные ямочки. Она любила Ника и его брата чистой, безусловной материнской любовью, заменив им всех на свете.

Судьба миссис Хамфри была полна тихой, щемящей боли. Она так и не вышла замуж, полностью растворив свою жизнь в заботе о семье Элен. Родная кровь обошлась с ней бесче-

ловечно: когда родители миссис Хамфри скончались, жадные братья и сестра беззастенчиво поделили между собой всё отцовское наследство, не оставив ей ни гроша. Из-за тяжелого генетического недуга правый глаз миссис Хамфри был полностью слепым и затянутым мутным бельмом. Бессердечные родственники открыто называли её «юродивой» и «дефектной», выбросив за порог родного дома.

Именно тогда она приехала за Элен. Сначала миссис Хамфри устроилась простым кухаркой, но её золотое сердце и истовая преданность быстро сделали её больше, чем прислугой — она стала для юной хозяйки единственной подругой. Заметив эту глубокую привязанность, дедушка и бабушка Элен приняли решение официально закрепить за ней статус в лучших традициях английской аристократии: она стала nanny and companion — бесценной няней и хранительницей очага.

Миссис Хамфри осторожно опустилась на колени рядом с детской кроваткой. Ее доброе лицо и светящийся изнутри единственный живой глаз источали такое тепло, что липкий ночной страх отступал сам собой. Она бережно прикрыла ладонью маленькое плечо мальчика и, наклонившись к самому его уху, заговорила шепотом, от которого по коже бежали мурашки:

— Ник, мой дорогой мальчик... Я так верю, что сегодня твоя жизнь изменится. Этот человек — особенный. Его зовут мистер Элиот. Я слышала о нем уже давно, добрая молва о нем идет по всему миру, но он принимает далеко не всех — лишь единицы. Я узнала о нем через свою старую подругу, которая служит у него горничной.

Она сделала короткую паузу, тревожно оглянувшись на дверь, и продолжения ждать не пришлось — шепот стал еще тише, преисполненный благоговейного трепета:

— Она рассказывала невероятные, пугающие вещи. Он исцелял такое, перед чем медицина бессильна. Слепой, приехавший к нему в полном отчаянии, снова прозрел и потом валялся у него в ногах, целуя землю. А женщины, годами страдавшие бесплодием, выходили от него — и через неделю узнавали, что ждут ребенка... У него есть какой-то свой внутренний закон или он отбирает людей по одним ему известным знакам. Когда я впервые позвонила подруге и умоляла замолвить за нас словечко, она испуганно отказалась. Сказала: «Хозяин терпеть не может, когда я лезу не в свое дело, он держит это в строжайшем секрете».

Миссис Хамфри сжала тонкие пальцы мальчика, вспоминая унизительный момент, предшествовавший этой ночи:

— Мне пришлось тайком раздобыть его номер и передать твоей матери. Элен поехала к нему сама, умоляла, но мистер Элиот сперва жестко отказал. И тогда... тогда твоя гордая, несгибаемая мать опустилась на колени и зарыдала прямо перед ним. Я была с ней рядом, я тоже упала на холодный пол, и мы кричали в голос: «Пожалуйста, помогите нашему мальчику! Помогите нашему Нику!»

На мгновение в комнате повисла тяжелая тишина. Было слышно лишь, как за окном с глухим стуком качается от ветра ветка старого дуба.

— И тогда он дрогнул, — выдохнула няня, едва сдерживая слезы. — Повернулся к нам и потребовал: «Покажите мне его фотографию». Мама тут же протянула твой снимок. Он взглянул на него... и не промедлил ни секунды. Лицо его изменилось, и он произнес: «Завтра в 3:13 ночи я жду вас. Опоздаете хотя бы на мгновение — закрою двери навсегда. Ровно в 3:13».

Она ласково погладила Ника по темным волосам, стирая с его щеки холодную слезинку.

— Одевайся, мой маленький. Машина уже ждет внизу. Время пришло.

Дверь спальни отворилась. Появление Элен ощутилось почти физическим всплеском горячего воздуха. Мать подбежала к кровати, опустилась на колени и жадно поцеловала сына в холодный лоб, прижимая к себе с такой силой, будто пыталась вплавить его в собственное тело. Ее глаза в темноте светились лихорадочным, опасным блеском.

— Ник, милый мой, сегодня всё изменится, — шептала она, задыхаясь от нахлынувших чувств. — Твой отец перестанет над тобой издеваться. Общество наконец-то осознает, что ты

нормальный ребенок, и у меня больше не будет болеть душа за тебя... И я смогу спокойно уйти, Ник. Уйти в другой мир, зная, что ты сам теперь можешь постоять за себя.

Внутри маленького Адама всё сжалось. Фраза «уйти в другой мир» прозвучала как ледяной поминальный звон. Страх острой иглой кольнул под сердцем. О чем она говорила? Куда собралась?

Но ее торопливо перебила миссис Хамфри. Верная няня шагнула вперед, ее единственный живой глаз тревожно блеснул в полумраке:

— Элен, не время сейчас. Не нужно ему об этом рассказывать, — мягко, но твердо остановила она хозяйку, положив руку ей на плечо. — Давайте мы сначала съездим, а там уже посмотрим.

В расширенных глазах мальчика застыл немой ужас. Он изо всех сил рвался задать вопрос, вскинуть руки, закричать: «Мамочка, пожалуйста, не оставляй меня! Куда ты собралась?!»

Глава 4.

Знакомство с таинственным мистером.

Дверь машины распахнулась, впуская внутрь прохладный ночной воздух. Они выпрыгнули на дорожку, и мама, охваченная паникой, затараторила, подгоняя их :

— Быстрее, быстрее, мы опоздаем! Миссис Хамфри, ради бога, быстрее! Верная няня, тяжело перебирая ногами, мягко взяла её за локоть и попыталась привести в чувство:

— Элен, успокойся, пожалуйста, у тебя настоящая истерика, возьми себя в руки... всё хорошо.

Обернувшись к машине, где остался шофер, мама бросила на ходу:

— Ждите здесь. Ждите столько, сколько понадобится. Ни в коем случае не выходите из машины.

Они шагнули за порог — и реальность вокруг мгновенно изменилась. Вопреки мрачным детским ожиданиям, внутри дом оказался не жуткой обителью колдуна, а невероятным, ослепительным пространством необычайной красоты. Несмотря на то, что за панорамными окнами глухой стеной стояла ночная тьма, этот дом словно излучал собственное, искусственное солнце. Вокруг всё было выдержано в светлых, молочно-белых и кремовых тонах. На стенах висели изящные абстрактные картины в светлых рамах, отражавшие мягкие лучи скрытых светильников, и от этого казалось, что они попали в какой-то футуристический райский сад, залитый теплым полуденным светом. Воздух был кристально чистым и пах дорогим деревом и озоном. Ник никогда в жизни не видел ничего подобного.

В этот момент тишину нарушил голос.

Он не просто раздавался из какой-то конкретной точки — казалось, этот голос звучал одновременно из всех уголков огромного светлого зала, объемный и обволакивающий.

— Здравствуйте. Вы успели вовремя. Как доехали? — произнес он безупречно, с идеальной дикцией.

Мама тут же вздрогнула и, прижав руки к груди, ответила в пустоту :

— Здравствуйте, мистер Элиот... Спасибо, доехали хорошо. Немного волнительно. Познакомьтесь, это мой сын Ник.

Мальчик вскинул голову и поднял глаза наверх.

По величественной парящей лестнице из светлого мрамора и стекла спускался мужчина. Его облик словно бросал вызов эпохам: казалось, он сошел со страниц классического романа XIX века или из старинного фильма о британской аристократии, но при этом гармонично сливался с ультрасовременным хай-теком.

На нем был безупречно скроенный по фигуре темно-синий тройной костюм-двойка из плотной английской шерсти с едва заметным благородным отливом, белоснежная сорочка с

высоким жестким воротником и элегантный шелковый платок, выглядывающий из нагрудного кармана.

На вид ему было около сорока — сорока пяти лет. Это был высокий, стройный, идеально сложенный мужчина завораживающей красоты. Густые темно-русые волосы с благородной серебристой сединой на висках были безупречно зачесаны назад, подчеркивая правильный, точеный греческий профиль и волевой подбородок. Его пронзительные, холодные серо-голубые глаза смотрели с невыносимой, гипнотической глубиной.

Он обладал поистине неимоверным магнетизмом. Стоило ему ступить на нижнюю площадку лестницы, как всё пространство вокруг словно сжалось, подчиняясь его присутствию.

«Я просто физически не мог оторвать от него глаз, — проносилось в голове маленького Ника. — Казалось, он замагнетизировал меня, подчинил мою волю ещё до того, как произнес первое слово».

Медленно и уверенно мужчина подошел к нему, возвышаясь надо всем пространством, и, слегка наклонившись, протянул безупречно ухоженную руку для рукопожатия.

— Здравствуй, Ник. Меня зовут мистер Элиот, — тихо произнес он.

Мальчик стоял неподвижно, не в силах вымолвить ни звука. Он смотрел на его протянутую ладонь и не мог пошевелить и пальцем. Его тело окаменело, запечатанное в глубоком, абсолютном оцепенении.

Мама встрепенулась от его заминки. Она тревожно наклонилась к нему и зашептала:

— Ник, что же ты стоишь, сынок? Поздоровайся.

Не дожидаясь ответа, она сама схватила его за руку. Её ладонь была ледяной, влажной и крупно дрожала от переполнявшего её волнения. Её пальцы сжали его кисть с отчаянной, судорожной силой и насильно потянули вперёд, вкладывая онемевшую детскую руку в большую, тёплую и уверенную ладонь мистера Элиота.

В этот момент контраст между их прикосновениями был разительным: пальцы Ника были похожи на лёд, а рука незнакомца излучала спокойное, ровное тепло, словно сама атмосфера этого дома защищала его от любых внешних бурь. Мистер Элиот мягко, но крепко пожал его руку, не сводя с мальчика своего завораживающего, пронзительного взгляда серо-голубых глаз. Его лицо оставалось абсолютно спокойным, словно он привык к тому, что люди перед ним теряют дар речи.

«Я смотрел на этого мистера — завораживающе, неотрывно. Он был поистине прекрасен той безупречной, ледяной красотой, от которой захватывало дух».

И тут прозвучал его низкий, обволакивающий голос:

— Ну что, пойдёшь со мной? — он слегка протянул руку.

Мальчик перевел взгляд на маму. У неё на глазах блестели слёзы.

Лежа сейчас в полумраке движущегося поезда и всматриваясь в потолок купе, Адам мысленно возвращался в тот день и словно заново пересматривал каждую деталь. Теперь, с высоты прожитых лет, он видел то, чего упорно не замечал тогда, в детстве. Лицо мамы было мертвенно-бледным. Она невероятно исхудала — настолько, что резко выделились скулы, обтянутые прозрачной, почти пергаментной кожей. Он мысленно перевел взгляд ниже: её пальцы судорожно сжимали край пальто, выдавая болезненную худобу. Глубокие, угольно-темные круги залегли под глазами женщины, чей возраст казался застывшим в вечной тревоге. У неё был пугающе изможденный, надломленный вид.

«Как же я не замечал этого тогда? — с горьким укором думал Адам, глядя на проносящиеся за окном поезда огни. — Я был настолько слеп, настолько погружен в свой собственный запертый мир, что просто не обращал внимания, как угасает самый близкий человек. Мне было плевать на всё остальное, мне было важно лишь одно — чтобы она просто находилась рядом, чтобы я чувствовал её спасительное тепло и родные объятия».

Тяжелую тишину разорвал мягкий голос мистера Элиота, возвращая воспоминания из прошлого в тот роковой день:

— Пойдём?

Мама переводила затуманенный слезами взгляд то на сына, то на него. Её губы мелко дрожали. Собрав последние крохи мужества, она трепетно спросила, едва слышно:

— Скажите… скажите, ему не будет больно?

Элиот улыбнулся — мягко, почти ласково, но в этой улыбке сквозила древняя, нечеловеческая уверенность.

— Что вы, Элен, конечно же, ему не будет больно. Разве я похож на того, кто причиняет людям боль? Я здесь лишь для того, чтобы исправить то, что сломалось.

Он легко засмеялся — бархатисто, раскатисто — и повторил, чуть склонив голову:

— Неужели я выгляжу человеком, способным причинить боль?

В этот момент напряжение в прихожей стало почти осязаемым. Нянечка, стараясь скрыть дрожь в голосе, поспешно вмешалась:

— Мы… мы подождем в машине. Не нужно.

Но мистер Элиот уже плавно повернулся к арочному проходу и негромко позвал своего помощника:

— мистер Орил.

Из тени коридора бесшумно вынырнул мужчина — безупречно одетый, с безучастным лицом и холодными глазами слуги, чья преданность граничила с фанатизмом.

— Да, сэр? — тихо отозвался он.

— Предложите дамам кофе, — распорядился Элиот голосом, не терпящим возражений. — У нас отменный турецкий кофе, свежемолотый, с пряностями. Не стоит мерзнуть в машине. Проведите их в гостиную, пусть отдохнут на глубоком бархатном диване цвета ночного неба.

Орил учтиво, но непреклонно кивнул дамам, жестом приглашая их пройти вглубь просторного дома, где в полумраке уже угадывался массивный старинный диван с изогнутыми деревянными подлокотниками, обитый тяжелым изумрудным велюром.

Элиот вновь посмотрел на мальчика.

— Ну что, Ник, пошли?

«И я пошел с ним, — отзывалось эхом в сознании взрослого Адама. — Сделав шаг вперед, я в последний раз обернулся на маму».

В её расширенных от ужаса и отчаяния глазах отражалось всё разом: разрывающая сердце боль, последняя, призрачная надежда на чудо и бесконечная, звенящая грусть. Эта картина навсегда врезалась в память, став прологом к той тьме, из которой он выбирается только сейчас.

Глава 5.

Посвящение.

Он шагал по узкому, бесконечному коридору следом за мужчиной, которого видел впервые в жизни. В его семь лет мир казался странным, угловатым механизмом, где он был лишь отчужденным наблюдателем, лишенным привычной человеческой эмпатии. Но мама доверилась ему — а значит, в этой сложной системе координат это служило единственным и абсолютным знаком качества. Раз мама сказала «можно», значит, можно.

«Куда мы идем? — роились в голове обрывочные, тихие детские мысли, лишенные паники, но полные холодного детского анализа. — Насколько мама вообще его знает? Почему от его шагов по паркету не раздается эхо?»

Впереди мерным, уверенным шагом шел мистер Элиот. Его безупречный силуэт рассекал полумрак коридора, а в голове, казалось, роились расчетливые, тяжелые мысли чужака, для которого эта встреча была лишь очередным шагом в давно написанном плане.

Внезапно мистер Элиот остановился.

Ник огляделся по сторонам, и странный холодок пробежал по спине. Этот коридор был похож на границу миров. Все остальные двери вокруг — ровные, кипенно-белые, современные, с блестящими ручками — выглядели привычно и безопасно. Но та дверь, у которой он замер, словно выпала из самой ткани времени. Она казалась артефактом из допотопного, забытого века: массивное, потемневшее от столетий дерево, испещренное глубокими трещинами и царапинами, выглядело так, будто вело прямиком в потусторонний, чужеродный мир.

Он медленно вытянул руку из кармана. На ладони блеснули массивные, тяжелые ключи. Они были покрыты патиной и потертостями, выглядя так, будто им исполнилось не меньше нескольких сотен лет. Лязг старого металла прозвучал в тишине подобно удару грома.

Ключ повернулся в ржавой скважине с тяжелым, скрежещущим звуком. Дверь приотворилась, и оттуда пахнуло абсолютной, осязаемой тьмой. Внутри не было ничего — лишь густая, непроницаемая чернота, пожиравшая свет.

Мистер Элиот обернулся, посмотрел на мальчика сверху вниз и мягко, обманчиво-ласково произнес:

— Проходи, Ник, не бойся.

Он замер, вжав голову в плечи. «Всё внутри меня протестовало, каждая клеточка детского тела кричала, что переступать этот порог нельзя. Я не хотел делать ни шагу».

И тогда произошло страшное.

В одно мгновение манерная галантность испарилась, сорвавшись с него, как старая маска. Передо мной стоял уже не обходительный джентльмен, а суровый, леденяще-хладнокровный мужчина. Его пальцы железом впились в моё запястье. Не обращая внимания на сопротивление, он с жестокой, непреклонной силой дернул мальчика на себя и грубо затащил вовнутрь, за порог этой проклятой комнаты.

«Мое сердце впервые забилось исступленно и дико, колотясь о ребра птицей в клетке. Я задохнулся от кошмара и непонимания: как? Почему? Почему тот, кто только что улыбался маме и казался безопасным, сейчас ломает мне руки? Что происходит?!»

Они стояли в абсолютной тьме. Ник не видел ничего, кроме плотной, удушливой черноты, но в этой зловещей тишине отчетливо раздавалось его размеренное дыхание. Мальчик физически ощущал, что он стоит совсем близко, прямо за его спиной.

Он резко обернулся — и в тот же миг пространство вокруг них залил странный, трепещущий свет.

Это не было электричество или привычные лучи извне. По всему периметру небольшой, тесной комнаты вспыхнули десятки свечей. Их никто не зажигал: фитили словно по чьей-то невидимой воле оживали один за другим, рождая вокруг дрожащие, живые огоньки. В этом мистическом полумраке комната открылась во всей своей жуткой краске. Стены были выложены темным, грубо обтесанным камнем, уходившим куда-то вверх в тень, а воздух пах воском, пылью и вековым холодом. Здесь не было никакой мебели — лишь голый пол и густая атмосфера древнего святилища.

В танцующем пламени свечей его лицо преобразилось. Тени метались по резким скулам, подчеркивая хищный профиль и ледяной блеск глаз, в которых отражалось сотенное пламя. Он медленно, бесшумно зашагал вокруг мальчика. Каждый его шаг отдавался глухим эхом в замкнутом пространстве. Он кружил над ним, как хищник вокруг добычи, внимательно, с пугающим научным интересом изучая каждую черту лица, и при этом хранил абсолютное, тяжелое молчание. Тени скользили по его безупречному костюму, заставляя фигуру казаться то зловещим фантомом, то ожившим демоном из старинных легенд, запертым в этом каменном мешке.

Но еще страшнее было то, что происходило с его чертами. Под этим немигающим взглядом его лицо начало плавиться и перестраиваться. «Я видел перед собой не одного человека, а целый калейдоскоп чужих жизней: то это был старик с изрезанным морщинами лицом, то

юноша с испуганными глазами, то женщина с застывшей гримасой скорби. Он менял лица, как перчатки, как будто примерял бесконечные маски, скрывая под ними свою истинную, пугающую сущность».

Вдруг, в центре груди, там, где раньше была лишь пустота и непонимание, вспыхнуло нестерпимое жжение. С каждой секундой оно усиливалось, растекаясь по венам и заставляя сердце биться в бешенном ритме. Мальчик не понимал, что с ним происходит, но от его взгляда внутри что-то надломилось и перевернулось.

Руки сами собой сжались в кулаки, ногти впились в ладони, причиняя боль, которую он почти не чувствовал. Тело наполнилось незнакомой, темной энергией. «Я вдруг понял, что меня переполняет всепоглощающее зло. Он не просто смотрел на меня, он этим взглядом вливал в меня яд ненависти, пробуждая во мне зверя, о существовании которого я даже не подозревал. Это была сила разрушения, древняя и яростная, которая требовала выхода».

— Скажи мне, Ник... тебя действительно устраивает твоя жизнь? — нарушил тишину его вкрадчивый голос.

Ник медленно покрутил головой, беззвучно показывая: нет. Ни капли.

Мистер Элиот горько и коротко усмехнулся. В его смехе не было ни тепла, ни радости, лишь холодная издевка.

— Как странно... — протянул он, делая к нему еще один шаг. — Ты богат, чертовски красив. У тебя огромное родовое поместье. У тебя громкая, гремящая на весь свет фамилия. Твоего отца — этого самоуверенного недоумка — и деда знают все. Их боятся, им кланяются, их уважают. Твоя инфантильная мать тоже происходит из знатного, прекрасного рода. Все вокруг тебя носятся, все над тобой трясутся, ограждая от любого ветерка. Так что же, черт побери, тебя не устраивает, малыш?

С пронзительным, буравящим взглядом, с легким, насмешливым прищуром он смотрел на него сверху вниз, изучая каждую эмоцию, словно выставочный экспонат в своей личной коллекции.

Его смех — громкий, резкий, полный ядовитого презрения — ударил по ушам, отразившись от каменных стен тесной комнаты. Десятки свечей вокруг затрепетали, их пламя заплясало, заставляя уродливые, изломанные тени метаться по стенам, словно живые свидетели этого допроса.

— Твоя мать вообще в курсе, что за всё в этом мире нужно платить? — голос мистера Элиота сочился ядом. — Или она свято верит, что я здесь какой-то бесплатный целитель, исцеляющий деток богатеньких родителей? Богачи же привыкли, что им все должны. И все должны трястись от восторга, да, Ник? Твой папаша тоже думает, что перед ним обязаны стелиться. Интересно, что эта женщина воображает прямо сейчас? Как мы встретимся? Что я шепчу над тобой какие-то заговоры, выкатываю яйцом или воском выливаю испуг, как те бабки-знахарки?

Он сделал шаг ближе, и тени на стенах качнулись вслед за ним. В его глазах не было ни капли тепла — лишь ледяное превосходство.

— Так что же тебя не устраивает в твоей роскошной жизни, Ник? Может быть, то, что ты больной? Никому не нужный, кроме своей инфантильной матушки и этой няньки... как её, миссис Хамфри? Так ведь? А может, тебе поперек горла собственный отец — тиран, ослепленный собственным величием настолько, что в упор не видит никого вокруг? Дай ему волю, он бы весь этот особняк отделал зеркалами и просто целыми днями любовался на свое отражение. Ты знаешь, что его ненавидят? Ненавидят, боятся и уважают одновременно. Но знаешь, в чем правда? Отец тебя презирает. Он стыдится тебя. Я скажу тебе по секрету: он уже давно спланировал, как от тебя избавиться и в какой глухой пансионат тебя запрятать. Если бы не твоя драгоценная матушка, он бы уже давно это сделал. Ты ему не нужен. Ты — позор семьи Джонсонов. Живой позор! — каждое слово падало на мальчика тяжелым камнем. — Он так и говорил... говорил со злобой, с презрением...

Элиот наклонился еще ближе, его взгляд стал пронзительным, буравящим насквозь.

— Ах да. У тебя же есть братец. Напомни-ка мне, как звать этого маньячного ублюдка? Того самого, что в школе проходу не дает девочкам, зажимает их по углам, а они молчат, потому что он из клана Джонсонов, и ему всё дозволено. Твоя семейка — это банда законченных уродов. И твой собственный брат тебя ненавидит. Он хочет, чтобы ты сдох. Чтобы ты просто исчез! — он повторял это слово за словом, вколачивая их в сознание ребенка, его лицо исказилось от злости, а глаза приковывали к месту, не позволяя вздохнуть. — Повторяет, повторяет, повторяет... Ну же, Ник! Чего ты хочешь? Что ты хочешь от меня?!

Мальчика прошиб ледяной пот. В груди всё горело огнем. Он задыхался, но не мог отвести глаз от его непроницаемого лица. В этот момент произошло то, чего он сам от себя не ожидал. Его собственный голос сорвался с губ, превратившись в дикий, отчаянный, исступленный крик:

— Я хочу... мести! Я хочу отомстить всем! Всем, кто когда-то растоптал меня, кто не верил в меня, кто унижал мою мать! Месть, месть, месть..! Я хочу мести! Я ХОЧУ мести!

Он орал эти слова снова и снова, захлебываясь собственным потом, не в силах остановить этот ураган внутри. Комната кружилась, пламя свечей металось, тени на стенах взмывали к потолку гигантскими зловещими силуэтами.

Мистер Элиот медленно отпрянул назад. На его лице не было ни тени улыбки — абсолютная, ледяная маска без единой эмоции. Он смотрел на него сверху вниз не как палач на жертву, а с жуткой, тяжелой уверенностью.

Он смотрел на него так, как опытный, всезнающий учитель смотрит на ученика, который только что сделал свой первый, самый страшный и необратимый выбор.

Мистер Элиот качнулся вперед, его лицо на миг осветил зловещий отблеск догорающей свечи. В его глазах читалось жуткое, торжествующее удовлетворение — взгляд наставника, дождавшегося вспышки в своей темной лаборатории.

— Ну что же, дорогой Ник, я тебя поздравляю, — тихо, но отчетливо произнес он, чеканя каждое слово. — Тебе выпал необычайный дар. Тебе безумно повезло, что из всех я выбрал именно тебя своим учеником. Ты заговорил. Ты можешь обрадовать свою мать. Впрочем... обо всем, что здесь произошло, знать ей совершенно необязательно.

Ник замер. «В этот момент меня прошиб такой дикий, первородный шок, перед которым померкли все страхи моей прошлой жизни. Я не просто молчал годами — мой голос казался мне чем-то чужеродным, заржавевшим механизмом. Но сейчас слова вырвались наружу сами, чистые и звенящие. Каково это — говорить? Это было похоже на то, как будто запертую на сто замков птицу вдруг выпустили из грудной клетки прямо в штормовое небо. В горле першило, в ушах звенело, а внутри всё дрожало от осознания собственной силы. Я задыхался от этого дикого, пьянящего ощущения».

Он медленно поднял глаза на мистера Элиота, чувствуя, как по щекам стекают капли холодного пота.

— Я... я говорю? Вы слышите? Я говорю! — голос сорвался на испуганный, но ликующий шепот.

Элиот смотрел на него с ледяным, непоколебимым спокойствием, в котором сквозило абсолютное превосходство хищника, признавшего в тебе равного.

— Да, Ник, ты говоришь, — усмехнулся он, склонив голову к плечу. — Отныне ты будешь говорить всегда. И твои дела пойдут в гору, не переживай. Но есть одно условие.

Сердце пропустило удар.

— Какое? Какое условие, мистер Элиот? — голос дрожал, но в нем уже не было прежней робости, только слепая готовность идти до конца. — Я на всё согласен. На всё!

— Отныне ты являешься моим учеником, — в голосе мага зазвучал металл. — И вот мое первое наставление. Имя «Ник» тебе больше не принадлежит. Теперь тебя зовут Адам.

Только под этим именем, с этой новой сутью, ты сможешь постичь и сотворить то, к чему я тебя готовлю.

Он отшатнулся, чувствуя, как внутри всё протестует против этого приказа.

— Адам? Но... почему я не могу жить под своим именем? — выдохнул он, вглядываясь в его темные, непроницаемые глаза. — Почему я должен быть Адам?

Мистер Элиот тяжело вздохнул, и на его губах заиграла зловещая, холодная улыбка. Его взгляд стал пронзительным, буравящим до самых костей.

— А вот здесь, дорогой мой друг, мы вспомним первого человека, Адама, которому было даровано абсолютно всё, и который в итоге не смог это ценить, — тихо произнес он, делая шаг ко мне. — Это очень символично. Посмотрим, ты, Адам, на что на самом деле способен. И предашь ли ты меня, как твой библейский тезка предал Бога, либо мой новый Адам окажется куда более верным... Как же это символично.

Его слова повисли в воздухе тяжелой свинцовой плитой. А затем комнату разорвал раскатистый, зловещий смех, который эхом отразился от стен, заставляя тени вокруг заплясать в безумном, ослепляющем хороводе.

— Ну что же, на сегодня всё. Ты меня знатно утомил. Ну что, пойдём обрадуем твою мать?

Его слова еще висели в воздухе, когда пламя всех десяти свечей вокруг в один единый миг погасло — так резко, будто их одновременно задула чья-то невидимая, мощная рука. Вокруг царил полумрак, хотя Элиот стоял в нескольких шагах напротив, и в тесной комнате, кроме них двоих, не было ни души.

Они выходили из этой мрачной кельи молча. Спускаться по узкой, петляющей винтовой лестнице было странно: каждый шаг отзывался эхом в тишине особняка, но теперь ноги казались легкими, словно налитыми новой силой. Он больше не был тем сломанным, безмолвным мальчиком, которого сюда приволокли. Он шел, жадно впитывая каждый звук, и глазами лихорадочно искал маму — его жгло непреодолимое желание поскорее увидеть её лицо.

Сознание Адама размывалось, стремительно затягиваемое в липкую, тяжелую дремоту. Реальность вокруг теряла четкие контуры: ритмичный, убаюкивающий и одновременно тревожный стук колес постепенно сплетался с шепотом из прошлого. Из сгущающейся тьмы выныривал зловещий, безупречно выглаженный силуэт Элиота — его ледяной взгляд, его нетерпеливый, металлический голос. Металлический гул поезда отдавался в висках Адама пульсирующей дробью: тук-тук... тук-тук...

Он с трудом разомкнул веки, сделав усилие, чтобы вырваться из наступающего морока.

В полумраке купе светился лишь мягкий, голубоватый экран ноутбука. Крис сидела напротив. Из ее плотно прилегающих наушников наружу пробивались отрывистые, сухо звучащие фразы, похожие на выдержку из медицинского отчета:

«...астигматизм... смешанный... пациент сложно адаптировался...»

Эти слова мгновенно тонули в монотонном гуле дороги. Крис не заметила его движения, полностью увлеченная происходящим на экране. Адам попытался зацепиться за этот свет, за реальный мир, но веки снова налились свинцом. Глухой, гипнотический стук колес накатил новой волной, увлекая его обратно в темную бездну воспоминаний, где его уже поджидал Элиот.

Рванув вперед, Адам влетел в просторный парадный зал.

Время здесь будто застыло. На столике стояли чашки с остывающим кофе — к нему даже не притронулись. Мама и верная миссис Хамфри сидели на диване, бледные, измученные долгим ожиданием. Рядом с ними неподвижно замер слуга — тот самый невозмутимый полуночник с лицом изваяния, чье имя затерялось в его ослепленном рассудке.

И тут их взгляды с мамой встретились.

В её глазах застыла бездна — тяжелая, пронзительная, полная отчаянной, до боли в сердце надежды.

— Мама... — сорвалось с губ. Сначала хрипло, а затем звонко и чисто: — Мама!

Увидев его, услышав этот голос, она вскочила, но её слабые, изнуренные тревогами ноги подкосились. Не удержав равновесие, она рухнула прямо на колени на холодный пол и зарыдала, закрыв лицо руками.

Он со всех ног бросился к ней, упал рядом и крепко-крепко обнял за плечи, утыкаясь лицом в её пахнущее дорогими духами платье. В этот момент миссис Хамфри, крестясь дрожащими пальцами, забормотала в испуге и благоговении: «Отче наш, иже еси на небесех...»

— Мама, я говорю! Мама, ты слышишь, я говорю! — захлебываясь слезами счастья, повторял он, целуя её холодные руки. — Ой, что это за чудо, какое чудо!

В порыве безумного, ослепляющего восторга мама вдруг перевела заплаканный взгляд на подошедшего мистера Элиота. Забыв про всякие приличия, не отдавая отчета своим движениям, она бросилась к нему, пытаясь обнять его за плечи, переполненная благодарностью за исцеление сына.

Но мистер Элиот сделал два резких, сухих шага назад, демонстративно не разделяя эту общую бурю радости. На его лице не дрогнул ни один мускул, не было даже намека на улыбку.

— Я очень устал, — его ледяной, отстраненный голос разрезал тишину залы, заставив всех замереть. — Прошу вас покинуть мой дом. Мы больше не увидимся. Миссис Джонсон и миссис Хамфри, с вами я прощаюсь навсегда.

Он окинул их тяжелым, презрительным взглядом, от которого кровь стыла в жилах, а затем перевел черные глаза на мальчика.

— Но с тобой, Адам, мы еще встретимся.

Элиот смотрел на него странно, изучающе и требовательно.

— Запомните: отныне называйте его только Адам, — бросил он женщинам, не сводя с него глаз. — Если хотите, чтобы ваш сын и дальше говорил и был здоров. Ника больше не существует. Всего доброго.

Он резко повернулся к слуге:

— Мистер Орил, проводите дам.

И в следующую секунду произошло то, от чего внутри снова всё сжалось. Элиот удалился. Никто даже не успел моргнуть и заметить, как именно он ушел — не было слышно шагов, шуршания одежды. Он просто развернулся, шагнул во внезапно сгустившуюся тень... и растворился в воздухе, будто его здесь никогда и не было.

Глава 6.

Новая жизнь.

Черный тонированный джип мерно покачивался на ухабах ночной дороги, унося их прочь от зловещего особняка. Мама сидела рядом, заливаясь слезами, и поминутно целовавала его руки — холодные, дрожащие, но уже исцеленные. Однако внутри, в самой глубине груди, что-то надломилось и безвозвратно изменилось.

Да, это была его мама. Адам, конечно же, любил и её, и верную миссис Хамфри. Но он больше не ощущал той прежней детской привязанности, того трепета сердца, что согревал все эти годы изоляции. Пропала хрупкая детская связь, мир вокруг словно поблек, уступив место новому, ледяному осознанию собственной силы.

Мама то и дело ласково заглядывала в глаза, теребя за плечо:

— Адам, сынок... умоляю, скажи что-нибудь еще. Расскажи, пожалуйста, ну хоть словечко! Что вы делали с мистером Элиотом? Как он тебя исцелил?

Он отвечал скупо, односложно, с совершенно каменным, непроницаемым лицом, которое так пугало её :

— Он просто поводил руками над моей головой... и я заговорил. Если честно, я и сам всё это помню как в каком-то тумане.

Адам отвернулся и прижался лбом к холодному стеклу автомобиля, глядя на ночное небо сквозь струйки дождевой воды. Луна... Та самая луна, которая по дороге к особняку мага казалась огромным, багряно-красным глазом демона, теперь изменилась. Однако она не стала холодной и безразличной.

Теперь этот небесный диск светился зловещим, пульсирующим кровавым светом. Казалось, что сама тьма, сгустившаяся в ту ночь, впитала в себя энергию мистера Элиота, и луна стала её гигантским, горячечным отражением .

Тем временем на переднем сиденье разгорелся взволнованный шепот. Мама и миссис Хамфри, крестясь на проносящиеся мимо темные силуэты деревьев и редкие фонари, принялись горячо обсуждать случившееся.

— Ах, дорогая миссис Хамфри, вы слышали? Это же истинное, великое божье чудо! — со слезами на глазах шептала мама, прижимая руки к груди. — Нам непременно, первым же утром, нужно пойти в храм! Поставить самые большие свечи, отблагодарить Всевышнего...

— Обязательно, голубушка, непременно пожертвуем церкви щедрые деньги, — истово кивала миссис Хамфри, сжимая в ладони небольшой золотой крестик. — Сам Господь явил свою милость нашему мальчику! Это молитвы наши услышаны, благодать сошла с небес...

Он слушал их слова, и они казались до боли чужими, пустым звуком из прошлой, наивной жизни.

Смотря на эту пульсирующую кровью луну и бездонную черноту ночного неба за окном мчащейся машины, Адам отчетливо, физически ощущал, как Христос, святые лики в храмах и сама Церковь стремительно отдаляются, растворяясь в тумане. Никакого божьего чуда здесь не было. Он точно знал: он больше не принадлежит свету. Он перешагнул невидимый рубеж и теперь находится по ту сторону тьмы — там, где правит воля мистера Элиота, и пути назад больше нет.

Когда машина подъехала к дому, он глухо бросил маме: «Спокойной ночи», — и сразу пошел к себе. На каждое произнесенное вслух слово она замирала, судорожно крестила дрожащей рукой, благодарила Бога и захлебывалась новыми слезами.

Но он уже не замечал её надрыва. Впервые в жизни Адам засыпал не забитым, испуганным мальчишкой, который вздрагивал от каждого шороха в коридоре.

Он больше не боялся брата. Того самого садиста, который пользовался немощью и страхом: вспоминался весь тот мерзкий ужас, когда он, беспомощный, просыпался посреди ночи от его липких пальцев, понимая, что тот снова издевался над его неподвижным телом пока он спал — мазал лицо дешевой косметикой, красил губы и смеялся, снимая всё это на видеокамеру ради забавы.

Он больше не боялся отца. В памяти всплывали жуткие картины из прошлого: стоило им с мамой затеять малейшую ссору, как он распахивал дверь комнаты, вбегал внутрь, грубо хватал за ухо и таскал по всему дому, швыряя из угла в угол. И при этом орал на маму страшным, расчеловеченным голосом: «Ты даже не смогла родить здорового ребенка! Ты никчемна, и твой сынок такой же ублюдок!» Он прекрасно знал, куда бить, что является самым уязвимым местом матери. Не его измены, не бытовые скандалы, а он — её больной, немой и беззащитный ребенок, о которого они оба вытирали ноги.

Но теперь всё это рухнуло, рассыпалось в прах.

Адам лег на кровать и впервые в жизни провалился не в липкий кошмар, а в быстрый, глубокий и абсолютный сон. Внутри больше не было ни капли прежнего страха. Вместо него грудь распирала тяжелая, темная сила, глухая злость и всепоглощающая, холодная одержимость. Он чувствовал, как по жилам вместо крови течет новая воля — чужая, сильная и безжалостная. Пусть теперь попробуют сделать хоть шаг.

Наступило утро. На часах было ровно 7:40.

Обычно в 8:00 начинался семейный завтрак — ритуал, где за столом сидели эти двое самовлюбленных тирана: отец, который наспех завтракал перед уходом на работу, и старший брат, собирающийся в школу. Мамы на этих общих завтраках почти никогда не было — они ели позже, в тишине и безопасности, потому что отец всегда жестко и унизительно повторял: «Чтобы на завтраке этого уродца не было! С утра пораньше не нужно мне портить настроение своим безэмоциональным лицом».

Но сегодня всё было иначе.

Адам стоял в своей комнате перед большим напольным зеркалом, полностью одетый с иголок. Он всматривался в свое отражение и не узнавал себя. Взгляд был холодным, пронзительным и абсолютно чужим — в нем больше не было ни тени прежней забитости. Губы не дрожали. Он медленно провел рукой по идеальному воротнику рубашки, чувствуя, как внутри вместо страха разливается тяжелая, пьянящая уверенность хищника, который наконец-то вышел из тени. Он усмехнулся своему новому отражению: «Ну что, Адам, время пришло».

Он повернулся и уверенно шагнул к двери.

Сердце колотилось где-то в горле — не от страха, нет! Это был дикий, лихорадочный адреналин, тугой пружиной сжимавший грудную клетку. Тревожность еще пыталась подать голос по старой памяти, но её мгновенно стирала железная, абсолютная уверенность в своей новой силе. На лице застыл непроницаемый, ледяной покер-фейс — маска полного спокойствия, за которой бушевала стихия.

Его шаги в тишине утреннего коридора звучали четко, тяжело и гулко. Он шел не как раньше — ссутулившись и стараясь не привлекать внимания. Он шел хозяйственным, размеренным шагом взрослого, опасного человека.

Дверь в столовую была приоткрыта. Оттуда доносился привычный утренний звон приборов и раздражающий, самодовольный смешок отца. Адам не стал стучать. Он резко, с легким шумом распахнул дверь и дерзко, бесцеремонно шагнул внутрь, сразу заполняя собой всё пространство комнаты.

Звуки за столом оборвались мгновенно.

И брат, и отец синхронно обернулись на звук. То, что они увидели, заставило их замереть с открытыми ртами. Лица обоих исказились в абсолютном, немом шоке. Они смотрели на него так, будто перед ними из воздуха материализовался призрак или дикий зверь, которого они много лет держали на цепи, а он вдруг встал на задние лапы.

Адам спокойно прошел к своему месту, глядя отцу прямо в глаза, и ровным, бархатным, уверенным голосом произнес:

— Ну что, доброе утро.

И сел за стол.

Это был нокаут. Отец от неожиданности дернулся, рука дрогнула, и горячий кофе из чашки хлынул через край, заливая белоснежную скатерть и лужей растекаясь по столу. Но он даже не смотрел на пролитый напиток. Его глаза безумным, растерянным взглядом метались со стола на сына.

А брат в ужасе переводил взгляд с окаменевшего отца на Адама, а потом обратно — его глаза были круглыми от страха и непонимания, мелкая дрожь пробежала по пальцам, сжимающим вилку. Впервые за долгие годы в этом доме хозяевами положения были не они.

Отец резко вскочил со стула и завопил так пронзительно и дико, будто его резали по живому:

— Элен! Элен, иди сюда! Живо!

Его голос сорвался на истеричный визг, разносясь по всему дому. Братец рядом зачастил, задышал как загнанная собака, его глаза бегали по сторонам в панике, пытаясь найти опору, но вокруг была лишь глухая стена абсолютного, ледяного спокойствия Адама.

Он же сидел с совершенно отстраненным, каменным выражением лица, даже не повернув головы на вопли. Будто рядом не орал собственный отец, а шумел неисправный прибор.

Выждав паузу, Адам медленно перевел взгляд на дверь и отчетливым, ровным, издевательски спокойным голосом произнес:

— Миссис Хамфри... где мой завтрак, чай и мой любимый тостер? Да, и уберите этот пролитый кофе. Отец у нас, видимо, совсем неуклюж стал — возраст, знаете ли, сказывается.

От этого тона отца перекосило еще сильнее. Его лицо багровело, жилы на шее вздулись от ярости и бессильного шока, а братец вжался в спинку стула, боясь даже вздохнуть под тяжелым, превосходящим взглядом. В этой кухне больше не было хозяев, кроме него.

Дверь в столовую с грохотом распахнулась, и в комнату, запыхавшись, вбежали мама и миссис Хамфри. На их лицах застыл немой ужас от криков отца, но то, что они увидели внутри, мгновенно выбило почву у них из-под ног.

Отец стоял у стола, ссутулившись и растеряв всю спесивую властность. Он судорожно цеплялся пальцами за спинку стула, а когда перевел взгляд на вошедшую жену, в его расширенных, полных детского испуга глазах читалась абсолютная беспомощность. Он смотрел на нее так, будто за секунду рухнул весь его привычный мир, и он не понимал, как жить дальше.

— Элен... Элен, ты видела? — заикаясь, задохнулся он, тыча дрожащим пальцем в сторону сына. — Он... он... он говорит, Эллен, он говорит!

Мама, бледная, с дрожащими губами, быстрым шагом пересекла комнату и подошла к нему. И в этот момент произошло то, чего Адам не видел за всю свою жизнь: она протянула руки и прижалась к мужу. Отец, содрогаясь всем телом, уткнулся лицом в её плечо. Впервые за годы холодной войны и унижений в этом доме он вдруг вспомнил, что Адам — его кровь, его сын. В его сбивчивом, надрывном плаче больше не было ярости или презрения. Ни разу не сорвалось с губ привычное, ядовитое прозвище.

Он плакал навзрыд, вцепившись в мамино пальто, и повторял сквозь слезы:

— Элен... наш сын... наш мальчик... он заговорил, Элен, неужели ты слышишь? Наш сын...

Отец рыдал, и Адам впервые видел его таким — сломленным, беззащитным, обнаженным перед лицом чуда, которое не укладывалось в его жестких рамках.

Мама обнимала его крепко-крепко, гладила по седеющей голове, а по её щекам ручьями катились слезы чистейшего облегчения.

— Да, милый... да, наш сын заговорил, — шептала она, целуя его в висок, пока голос дрожал от счастья. — Слава Всевышнему... Ему помог сам Бог. Это настоящее чудо, слышишь? Наше великое чудо.

Миссис Хамфри замерла у входа, истово крестясь и беззвучно шевеля губами в молитве. А старший брат... Джек сидел неподвижно, вжавшись в стул. Он смотрел на Адама широко раскрытыми, полными липкого страха глазами, совершенно не понимая, как рухнула матрица его превосходства, и какой кошмар теперь начнется для него в этом изменившемся мире.

Глава 7.

Прощай, частичка моего сердца.

Осень за окном бесшумно сменилась хрустящей зимой, а та постепенно растаяла под мягким дыханием весны. Время шло, и все вокруг постепенно привыкали к новой реальности — к тому, что Адам больше не молчал.

Дом наполнился совершенно иными звуками, но спокойствие в нём было обманчивым. Периодически к отцу нагрягивали друзья и деловые партнёры. Они заезжали специально для того, чтобы воочию посмотреть на «чудо исцеления», о котором гудел весь их круг. Эти визиты

напоминали цирковые представления: чужаки разглядывали мальчика так, будто он был не живым человеком, а диковинной космической сущностью, упавшей с небес и выставленной напоказ. Артур расцветал в такие моменты, гордо демонстрируя сына гостям, словно какую-то диковинную игрушку или трофей, к созданию которого он якобы приложил руку.

А вот брат Джек держался в тени и сторонился Адама как огня. Он нутром, на каком-то зверином уровне чувствовал, что с братом что-то не так — что за оболочкой заговорившего парня скрывается нечто чужеродное и опасное.

И вот в один из весенних дней хрупкое равновесие рухнуло. Джек, охваченный приступом слепой истерики, сорвался на мать. Его перекосило от злости, и он заорал на весь дом:

— Я тебя ненавижу! Слышишь, я тебя ненавижу! Ты только и делаешь, что носишься со своим Ником! — он выпалил старое имя, сорвав голос. — Ты считаешь, что любишь его больше!

Услышав это, Адам почувствовал, как в груди закипает раскаленная лава. Его глаза налились кровью, мир сузился до одной точки. Не помня себя от ярости, он сорвался с места с молниеносной, нечеловеческой жестокостью. Долетев до брата в пару мгновений, Адам схватил его за горло железной хваткой и с глухим стуком впечатал спиной в стену, зажав дыхание.

«Ещё раз... — прошил я его мысль ядовитой, смертельной угрозой, — ...ещё хоть раз я услышу от тебя подобный тон в её адрес, или увижу хоть каплю неуважения — ты здесь не жилец. Ты понял меня?»

Джек, захлебнувшись воздухом, выпучил глаза. Он судорожно хватал ртом кислород, а когда заглянул в зрачки Адама — полыхавшие чистой, первобытной ненавистью и жаждой мести, — его затрясло от липкого, животного ужаса. Вырвавшись из хватки, как только пальцы брата чуть ослабли, Джек с диким испугом шарахнулся в сторону и бешеным кабаном умчался прочь, захлопнув дверь своей комнаты. С того самого дня он обходил Адама десятой дорогой, наблюдая издалека.

Конечно, и мама Элен, и Артур прекрасно видели, что с Адамом творится что-то неладное. Элен тревожно всматривалась в глаза сына, чувствуя за внешней трансформацией пугающую тень. Артур же держал дистанцию — он не лез в душу, не был с сыном близок, но прежняя спесь и презрение испарились. Отец стал называть его по новому имени — Адам — и относиться с неожиданным, настороженным уважением, словно признал в нём равного хищника.

Зато с мамой они пережили удивительный период. Они вдвоем сорвались в путешествие — уехали подальше от этого душного особняка, от отцовских взглядов и семейных призраков. Это было лучшее время в жизни Адама. Они часами болтали на самые разные темы, бродили по незнакомым улочкам, сидели в уютных кафе, заново открывая друг друга. Они стали по-настоящему близкими людьми, сблизившись так, как никогда раньше, залечивая старые детские трещины общими разговорами и теплом.

Они шли по тихой, залитой мягким закатным солнцем набережной, когда Элен в очередной раз остановилась, мягко взяла сына за руку и заговорила о том, что тревожило ее всю поездку. Ее голос звучал тихо, с надрывной мольбой:

— Адам... сынок, у тебя на самом деле очень доброе сердце. Забудь всё, что было, оставь в прошлом те времена, когда тебя обижали отец и брат. Прости их. Библия ведь учит нас прощать. Иисус говорил: «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас». Прости им, ради Бога, прости, чтобы твоя собственная душа наконец-то исцелилась.

Слушая ее, Адам медленно перевел взгляд на ее лицо. В этот момент его сердце сжалось от глухой, невыносимой боли. Он смотрел на ее осунувшееся, измученное лицо, на болезненную, нездоровую худобу, проступавшую сквозь воротник легкого свитера, и на ее глаза — глубокие, бесконечно уставшие, наполненные слезами, которые она тщетно пыталась удержать.

Годы жизни в постоянном страхе, под гнетом тирании и подавленных обид, выпили из нее все соки, оставив лишь хрупкую тень некогда живой женщины.

Она так отчаянно пыталась спасти остатки семьи, вымолить мир для всех них, не замечая, что сама сгорает изнутри. И эта ее беззащитная вещь, ее слезы и надломленный голос резали Адама острее любого ножа, заставляя на секунду забыть о собственной ярости.

По возвращении домой прошло всего недели две, как Элен совсем слегла. Ее комната погрузилась в полумрак, занавески были плотно задернуты, спасая от назойливого дневного света, а воздух пропитался тяжелым, горьковатым запахом лекарств и увядания. Артур заглядывал к ней редко — он был вечно занят своими «важными» делами, с головой ушел в работу, изображая из себя деловитого главу семейства, для которого карьера и статус всегда стояли на первом месте.

Адам же дежурил рядом. В тот день он притаился в полутемном коридоре, прислонившись плечом к прохладной стене возле приоткрытой двери, и наблюдал за тем, как двое врачей в белых халатах тихо выходят из спальни. Свет из окна гостиной падал на них косыми, блеклыми лучами, выхватывая из темноты их уставшие, напряженные лица и папки с бумагами в руках.

Они остановились в шаге от Артура, который уже ждал их здесь же, накинув на плечи дорогой пиджак. Разговаривали вполголоса, почти шепотом, чтобы не потревожить тишину дома, но каждое слово отчетливо отдавалось в гулкой тишине коридора.

— Артур... нам очень жаль, — произнес старший врач, тяжело вздохнув и опуская глаза. — Элен обратилась слишком поздно. Метастазы уже везде... Процесс необратим. Мы выписали ей морфий. Медсестра будет приходить ставить уколы, чтобы хоть как-то смягчить ее последние дни. Крепитесь, Артур.

Лицо медика было серым от профессионального выгорания и тяжести этого приговора. Второй врач молча кивнул, его взгляд был устремлен в пол, выражая молчаливое сочувствие.

А что же отец?

Адам всматривался в его лицо из темноты коридора и чувствовал, как внутри закипает ледяное бешенство. Черты Артура остались абсолютно невозмутимыми, окаменевшими. Ни один мускул не дрогнул на его лоснящемся лице. В его глазах не было ни слезинки, ни боли — лишь холодный расчет и напускная, фальшивая скорбь человека, играющего роль на плохой сцене.

С каменным выражением лица Артур поправил манжету рубашки и ровным, бездушным голосом произнес:

— Да... Ее отец тоже умер от этой проклятой болезни. Наследственность, что поделать. Я уже вызвал ее сестру Мэри, она в дороге, едет к нам. Мы, конечно, в глубокой печали всей семьей... — выдавил он из себя заученную фразу, старательно пытаясь изобразить убитого горем, заботливого мужа перед чужими людьми.

Это лицемерие было настолько омерзительным, что Адама затрясло. Врачи, не замечая фальши за внешней солидностью Артура, посочувствовали ему еще раз и молча двинулись к выходу. Адам остался стоять в тени, сжав кулаки до боли в суставах, понимая, что теперь некогда хрупкий мир окончательно летит в пропасть.

Дверь комнаты захлопнулась, отрезая парня от чужого, фальшивого мира, где отец с каменным лицом раздавал указания и притворялся убитым горем. В этот момент плотина рухнула.

Адам рухнул лицом на кровать, вцепившись пальцами в простыню так, что побелели костяшки, и из груди вырвался глухой, звериный вой. Это был даже не плач — это был крик одинокого, брошенного волка, потерявшего свою стаю в глухом, ледяном лесу. Мир сузился до размеров этой комнаты, а внутри всё горело обжигающим, невыносимым пламенем.

«Нет... нет, за что? Почему жизнь так чудовищно несправедлива?» — билось в голове ударами молота.

Столько лет он провел в темнице собственного молчания, запертый в тишине, не имея возможности сказать ей самого главного. И вот, когда судьба наконец подарила ему разум и голос, когда он смог говорить, смеяться, открывать ей душу в том самом лучшем отпуске... Время оказалось насмешкой. Его осталось так катастрофически мало. Всего капля после целой вечности немоты.

Адам задыхался от подступающих слез, уткнувшись носом в подушку, которая еще хранила легкий запах ее духов. Тело сводило судорогой, плечи дрожали от надрывных рыданий, а сердце разрывалось на части от липкого, всепоглощающего ужаса перед надвигающейся пустотой.

«Мамочка... — шептали искусанные до крови губы в темноту комнаты, срываясь на хрип. — Родная моя, не оставляй меня... Пожалуйста, не уходи. Как я буду жить в этом мире без тебя? Слышишь, мамочка, вернись...»

Тишина в ответ давила на уши свинцовой тяжестью. Время безжалостно утекало сквозь пальцы, оставляя Адама один на один с горькой неизбежностью, от которой не было спасения.

Всю эту долгую, бесконечную ночь он не отходил от её кровати. Время словно замерло, растворившись в тишине комнаты, пропитанной запахом лекарств и увядания. Элен спала тяжело, но в какой-то момент среди ночи ее веки приоткрылись. Она посмотрела на сына — и в её глубоких, бездонных глазах читалось то, от чего сердце Адама пропустило удар: одновременно горькое прощание и долгожданное освобождение от боли. Собрав последние силы, она тихо произнесла:

— Ник, я люблю тебя...

Она назвала его тем самым именем, которое дала при рождении, вложив в него всю свою нерастраченную нежность. Горячие слёзы хлынули по щекам Адама, он судорожно вцепился в её исхудавшую руку, покрывая её поцелуями, и не мог, не хотел останавливаться, пытаясь своим теплом удержать ускользающую жизнь.

А на утро мамы не стало.

Первые лучи холодного солнца только начинали робко пробиваться сквозь занавески, когда Адам вошел в комнату и понял, что наступила абсолютная, звенящая тишина. Он подошел ближе и коснулся её руки — она была уже прохладной. Он нашел её бездыханное тело. Его мама, его дорогая Эллен... Ей больше не больно. Она прошла это тяжелое, выматывающее испытание под названием жизнь, с честью неся свой крест до самого конца.

Её измученная душа наконец-то освободилась от земных оков и покинула этот мрачный, холодный мир, улетая туда, где нет больше слез, предательства и боли, оставляя позади лишь вечную память и бесконечную благодарность за то, что она была его единственным светом.

В этот момент дверь тихо приоткрылась, и в комнату вошла тетушка Мэри — родная сестра Элен. Она была монахиней, целиком и полностью отдавшей свою жизнь служению Христу. У нее не было ни мужа, ни детей, а ее лицо, обрамленное строгим темным платком, всегда хранило печать глубокого внутреннего умиротворения и кротости. Одетая в скромное, простое темное платье монахини, она казалась воплощением чистой, самоотверженной преданности. Черты ее лица неуловимо напоминал мамины, но годы молитв, постов и душевных тревог оставили на них тонкую паутинку морщин, а в глазах застыла бесконечная, светлая печаль.

Её глаза — пронзительно-голубые, точь-в-точь как у Элен, но в них не было маминой обреченности; напротив, они светились глубоким, неземным умиротворением и той особой, выстраданной ясностью, какую обретают лишь те, кто всецело предал себя вере. Сама Мэри была невысокого роста, хрупкая, почти невесомая в своем простом темном монашеском облачении, скрывавшем заурядное, иссушенное постами и молитвами телосложение.

Зайдя в полумрак комнаты и увидев то, что произошло, Мэри замерла на секунду. Лицо ее исказилось от внезапной, пронзительной боли. Она бросилась к постели, упала на колени рядом с бездыханным телом и зарыдала в полный голос, теряя над собой контроль:

— Элен... сестренка... прости меня, я не успела! Я так спешила, но не успела проститься... Элен, боже мой, как же ты исхудала... как ты страдала здесь одна...

Ее плач перешел в надрывную истерику. Она цеплялась за холодные руки сестры, прижимая их к своему лицу, и этот крик отчаяния разрывал тишину дома на мелкие осколки.

Спустя мгновение в комнату поспешно вошли медики, прибывшие по утреннему вызову. Их лица были сосредоточенными и суровыми. Мягко, но настойчиво они начали оттеснять их от кровати, выполняя свою тяжелую работу.

— Пожалуйста, отойдите... дайте нам закончить, нужно проводить необходимые процедуры... выйдите, пожалуйста, в коридор, — тихо и сочувственно произнес врач, аккуратно беря тетушку Мэри за плечи и помогая ей подняться с колен.

Ошеломленная горем, она с трудом поднялась, но тут же повернулась к Адаму. Ее дрожащие руки внезапно крепко, с удивительной для ее хрупкой фигуры силой обняли его за плечи. Прижав юношу к своей груди, она зарыдала с новой силой и сквозь слезы прошептала ему на ухо:

— Родной мой... дорогой... ты — живая частичка моей Элен. Ты — её продолжение...

И она долго-долго не отпускала его, словно через эти объятия пыталась удержать ускользающую жизнь самой мамы, укрывая их обоих от этого внезапно опустевшего, холодного мира.

Тетушка Мэри была для Адама не просто родственницей — в том холодном, бесчувственном доме, где Артур возводил стены равнодушия, а Элен угасала от невыносимой боли, она была единственным островком безусловного тепла. Адам помнил те дни, когда она жила у них, будто это было вчера. Несмотря на свой строгий монашеский обет, в присутствии племянника она сбрасывала с себя всю суровую аскезу. Она никогда не смотрела на него с жалостью и тем более не относилась к нему как к «ущербному» из-за его замкнутости и того долгого молчания, что сковывало его годами. Она просто любила его — чисто, глубоко и всепрощающе, точно так же, как любила бы родная мать.

Они могли часами сидеть в тихом уголке дома или в саду. Адам помнил её мягкие, теплые руки, которые никогда не уставали возиться с ним, её добрую, светлую улыбку и тот ласковый голос, который возвращал его в реальность из темных детских страхов. В те моменты ему казалось, что сам ангел сошел с небес, чтобы укрыть его своими крыльями от бурь внешнего мира.

Свою жизнь тетушка Мэри всецело отдала вере. Духовное становление и обучение она проходила в тишине старинных обителей — в таких уединенных и благодатных местах, как монастырь Новая Дивеевка в штате Нью-Йорк. Именно там, среди суровой молитвы, труда и бесконечного милосердия, где сестры изо дня в день ухаживали за больными и молились за заблудшие души, формировалась ее чистая душа. В этой атмосфере строгой веры и родилось то безграничное, всепрощающее сердце, всю теплоту которого она так щедро дарила Адаму.

Похороны пронеслись тяжелым, удушливым туманом, но по-настоящему глубокое, разрывающее душу горе в тот день принадлежало лишь трём людям: Адаму, тетушке Мэри и верной няне Хамфри. Они стояли у могилы словно отшельники в чужом мире.

Артур же остался верен своему привычному амплуа «хозяина жизни». Ему было важно не столько проводить жену в последний путь, сколько то, как он выглядит со стороны. Вся его скорбь была выверена до миллиметра: он то и дело поправлял траурный воротник, принимал скорбные, кинематографичные позы и зорко следил за объективами фотографов местных газет. Ему было жизненно необходимо убедиться, что на первых полосах он выйдет безупречно трагической фигурой — идеальным, убитым горем вдовцом у гроба любимой супруги.

Младший брат Джек рыдал заливаясь, порой даже с явным, театральным перебором. Его громкие всхлипывания и заломленные руки выглядели фальшиво — эту показушную, лице-

мерную слезливость и умение играть на публику он целиком и полностью унаследовал от отца. Сама церемония утопала в фальшивых венках, официальных соболезнованиях чужих людей и пустых речах, пока Адам с тетушкой Мэри и няней Хамфри молча умирали внутри от подлинной боли.

Когда этот кошмар закончился и они вернулись в опустевший, ставший чужим дом, Адама неумолимо потянуло наверх. Он поднялся по лестнице и направился прямо в комнату матери. Там пахло её любимыми духами, лекарствами и той неповторимой прохладой, которая бывает только в помещениях, оставшихся без хозяина.

Адам тихонько прикрыл за собой дверь, шагнул к гардеробной и распахнул створки шкафа. Внутри висели её платья, блузки, мягкие кардиганы. Он зарылся лицом в мягкую ткань её любимого шелкового платья и жадно, судорожно вдыхал этот запах, пытаясь обмануть мозг, заставить себя поверить, что она просто вышла в сад и сейчас вернется. Казалось, если вдыхать достаточно глубоко, она оживет прямо здесь, в темноте шкафа.

Сняв с вешалки её шерстяную кофту, Адам прижал её к груди, дошел до кровати и тяжело опустился на покрывало. В комнате стояла звенящая, мертвая тишина. Он медленно поднял глаза и посмотрел в затянутое серыми тучами окно, за которым безразлично шумел равнодушный мир.

Сжав в кулак край её одежды, Адам прошептал в пустоту:

«Жизнь больше не будет прежней, Мамочка...».

Глава 8.

Взросление.

Прошло 11 лет. Стояло прохладное, хмурое сентябрьское утро. Адам уже заканчивал школу и был совсем взрослым — выпускником, которому предстояло сделать шаг во взрослую жизнь.

Проснувшись, он неспешно начал собираться. В доме стояла привычная полуутренняя суета, из открытого окна доносился запах сырой листвы. Проходя мимо зеркала, Адам бросил на себя короткий взгляд: из отражения на него смотрел высокий темноволосый юноша с уже совсем взрослыми, резкими чертами лица и тем самым глубоким, пронзительным взглядом, в котором застыла тень пережитых лет.

«Восемь лет... А кажется, будто всё произошло только вчера. Я смотрю в это зеркало и не узнаю себя. Куда исчез тот мальчик? Осталась только холодная, пустая оболочка».

Снизу доносились приглушенные голоса. Адам прислушался: в холле горничная с садовником обсуждали утренние распоряжения.

— Ты смотри аккуратнее с клумбами у восточного крыла, хозяин не любит, когда листва валяется у парадного входа, — шепотом наставляла садовника пожилая служанка, протирая перила.

— Успею еще, Марта, сначала теплицу полью, — проворчал в ответ садовник, перекладывая садовые ножницы. — Главное, чтобы погода окончательно не испортилась к приезду хозяина.

Собравшись, Адам ровно в 8:00 спустился к завтраку. Огромный обеденный стол был пуст — он сидел за ним совсем один. Одиночество за этим массивным столом подчеркивало, как сильно изменился дом после смерти матери. На тарелке лежало единственное яйцо всмятку — то самое, которое годами неизменно делала для него мама, аккуратно кроша туда хлеб и с нежностью кормя его с ложечки в периоды его глубокого затворничества.

«Снова это яйцо всмятку... Каждый раз, когда я вижу его, сердце жжет тупой, невыносимой болью. Мама, почему ты оставила меня в этом мертвом доме? Теперь я ем сам, но этот вкус... он сжигает меня изнутри».

Что касается отца и братца Джека, их жизнь давно текла по совершенно другим законам. Отец горевал по матери от силы месяца три-четыре. Очень скоро его жизнь превратилась в

череду бесконечных романов, светских тусовок, разъездов и командировок. Правда, ума ему хватало не приводить мимолетных женщин в семейный особняк. В данный момент он вообще на целый год уехал из страны в Лондон — открывать новый филиал при поддержке влиятельных родственников по материнской линии, которые по-прежнему свято верили, будто перед ними безутешный вдовец.

Брат Адама Джек тем временем успешно учился в престижном Колумбийском университете в Нью-Йорке на факультете международного права и корпоративного менеджмента. Его выбор, как всегда, был продиктован стремлением вращаться в высших кругах и иметь нужные связи для будущих афер. Учеба давалась ему легко благодаря врожденному цинизму и подвешенному языку, но вел он себя там так же разнузданно, из-за чего в ректорат регулярно поступали жалобы.

Буквально на днях Адам проходил мимо кабинета и слышал, как отец раздраженно говорил по телефону, отмахиваясь от очередной проблемы старшего сына:

— Послушайте меня внимательно, я вам плачу немалые бабки вовсе не для того, чтобы вы выносили мне мозг по пустякам, — чеканя каждое слово, произносил отец в трубку. — Он из семьи Джонсонов, он может вести себя так, как считает нужным. Больше не нужно мне звонить по такой ерунде — берите и урегулируйте всё это самостоятельно.

Отец тогда с треском бросил трубку, а Адам лишь молча отвернулся и пошел к выходу. Время шло, но стены этого дома по-прежнему хранили холод чужих, фальшивых жизней.

Закончив с завтраком, он отодвинул тарелку, встал из-за стола и молча взял школьную сумку. На его лице не дрогнул ни один мускул — лишь холодная, собранная серьезность человека, которому слишком рано пришлось повзрослеть.

Он уверенно вышел на парадное крыльцо. У дороги уже ждал автомобиль. Возле машины стоял личный водитель — молчаливый мужчина лет сорока пяти в строгом, безупречно отутюженном костюме, с непроницаемым лицом человека, который привык видеть слишком многое и никогда не задавать вопросов.

Неподалеку, у ухоженных клумб с осенними хризантемами, возился с секатором садовник — пожилой, седовласый дядя Пит, знавший этот сад еще до рождения Адама. Увидев юношу, он тут же выпрямился и почтительно притронулся к козырьку кепки.

— Доброе утро, — кивнул Адам, останавливаясь на секунду. — Как работа? Всё ли у вас в порядке?

Садовник с готовностью улыбнулся, вытирая руки о потертую перчатку:

— Да, благодарю вас, всё хорошо, спасибо, молодой господин. Погода вот только сырая выдалась, но мы справляемся.

Адам легко, едва заметно улыбнулся ему в ответ — пожалуй, это была его единственная искренняя улыбка за всё утро.

— Хорошей работы, дядя Пит.

Адам шагнул к машине. Водитель мгновенно распахнул заднюю дверь, прикрывая рукой проем. Адам сел на мягкое кожаное сиденье, ощутив приятную прохладу салона. Дверь глухо захлопнулась, отрезая звуки внешнего мира. Машина плавно сорвалась с места, бесшумно выкатилась за тяжелые ворота, оставляя за спиной холодные стены особняка.

Шагая по просторным коридорам элитной школы, Адам чувствовал, как привычное раздражение затапливает грудную клетку. Вокруг бурлила жизнь «золотой молодежи» — здесь толпились избалованные дети богатейших родителей города. Все они были озабочены исключительно своими нарядами и тем, какое впечатление производят.

«Какая же мерзость... Сборище пустых, самовлюбленных кретинов. Они живы только снаружи, а внутри — гниль. Они каждый день напоминают мне отца и брата. Смотреть на них тошно. Как же я вас всех презираю».

Адам шел, опустив взгляд на полированный паркет и сжимая ремень сумки, пока случайный шум не заставил его поднять голову.

Его взгляд внезапно зацепился за нее.

Ее звали Эммили Олдридж. Высокая, завораживающая блондинка, чья сдержанная красота покорила его сердце с первого же взгляда. Её внешность поражала благородной аристократичностью. Светлая кожа с тонким фарфоровым отливом и легким румянцем от утренней прохлады казалась сошедшей с полотен старых мастеров. Лицо обрамляли густые пряди пшеничного блонда, а в небесно-голубых глазах читалась удивительная глубина и спокойная уверенность.

Она перевелась к ним в прошлом году из Нью-Йорка — ее отец занимал высокий пост Верховного прелата и главного духовного сановника, обладая огромным влиянием. Но Эмили разительно отличалась от всей этой массы. Вместо сплетен и шопинга она основала в школе благотворительный фонд для тяжелобольных детей. На фоне всеобщего нарциссизма она выглядела белой вороной, чистым ангелом.

Адам замедлил шаг, провожая ее взглядом. Впервые за долгое время холодное равнодушие в его груди отступило.

«Что это со мной? Почему сердце бьется так, словно хочет пробить ребра? Неужели это любовь? Чистое, светлое чувство, о котором пишут в дерьмовых романах?.. Нет. Кого я обманываю? Внутри всё сжимается от жгучего, темного спазма. Это не любовь. Это жажда. Дикая, животная алчность. Она такая хрупкая, чистая... А во мне просыпается ненасытный зверь. Я не хочу просто смотреть. Я хочу сорвать эту дистанцию, впиться в нее, ощутить каждую клеточку её кожи, испить до дна и присвоить себе без остатка. Я хочу сожрать ее свет, чтобы утолить свой внутренний мрак».

Эмили приблизилась стремительно, озаряя коридор лучезарной улыбкой. Прежде чем Адам успел совладать с собой, она легко обняла его за плечи и подалась вперед, чтобы коснуться щеки.

«Боже, её запах... Ваниль и горький миндаль. Воздух в легких мгновенно вспыхивает. Я хочу её до боли в суставах, до безумия!»

Рука Адама инстинктивно скользнула по её тонкой талии, притягивая ближе. Когда Эмили подалась навстречу, воротник её блузки слегка качнулся, открывая соблазнительный вид: на мгновение взгляд Адама выхватил кружевной край изысканного белья и нежную тень ложбинки её груди.

«Сорвать с нее эту одежду. Разорвать ткань в клочья прямо здесь, прижать к стене и овладеть ею грубо, безраздельно! Заставить её кричать мое имя, чтобы она растворилась во мне!»

Натягивая внутренние поводья изо всех сил, Адам в последний момент резко сместился — так, что её приветственный поцелуй пришелся не в щеку, а прямо в уголок его губ.

Эмили на секунду замерла, а затем тихо усмехнулась. В её глазах вспыхнул опасный, пьянящий огонек. С чарующе-кокетливой ухмылкой она чуть отстранилась и произнесла, лукаво прищурившись:

— Вообще-то я целилась в щеку, Адам… но, видимо, у тебя свои планы. Перенесем их на вечер? Я хочу поговорить с тобой.

Тяжело сглотнув и чувствуя, как пульсирует кровь в висках, Адам опустился к самому её уху и, едва касаясь губами шеи, хрипло выдохнул:

— Конечно... хоть до вечера, хоть до глубокой ночи, Эмили.

Он улыбнулся и требовательно щипнул её за руку чуть выше запястья. Эмили звонко засмеялась.

Они отошли к окну в конце коридора. Эмили слегка закусила нижнюю губу:

— Знаешь, Адам… я сегодня просто на пределе, — тихо начала она. — Совершенно запуталась в людях. Помнишь Марка Дависона? Тот парень, который всегда рассуждает о благотворительности? Я попросила его сдать взнос на медикаменты для приюта. Сумма для него смешная! Он обещал, а в итоге? Срок вышел три дня назад. Сегодня он начал мяться и нести чушь про замороженные счета… Просто бросил меня перед отчетом.

Адам прислонился плечом к подоконнику, не сводя с нее глаз:

— Эмили, ты до сих пор судишь всех по себе, — мягко, но жестко произнес он, делая шаг вперед. — Для Марка этот фонд — просто красивый аксессуар. Как только потребовалось сделать что-то настоящее, его благородство испарилось. Они все пустышки, Эмили.

На глаза девушки навернулись слезы:

— Ладно Марк… Но моя подруга, Джессика! Я доверяла ей всё. А вчера узнала, что она за моей спиной сливала наши списки благотворителей и отчеты компании моего отца людям из школьного совета. Она предала меня, Адам. Я перестала понимать, кому в этом мире можно верить.

Ее плечи дрогнули.

Адам протянул руку и осторожно стер пальцем слезинку с ее щеки:

— Давай мы вечером встретимся и поговорим, — твердо сказал он. — Без этой фальшивой школы. Я заберу тебя после ужина. Посидим в тихом месте, и ты мне всё расскажешь. И поверь, больше никто не смеет сделать тебе больно.

Эмили замерла, её дыхание участилось, и она едва заметно кивнула.

Вечер выдался банальным. Зал сиял фальшивым золотом хрустальных люстр, висел гул светских голосов, пахло дорогими духами и шампанским. Богатые дети и их родители наперегонки улыбались камерам, жертвуя деньги ради демонстрации собственной власти.

Эмили на этом празднике лицемерия выглядела ошеломительно. На ней было короткое, дерзкое шелковое платье глубокого изумрудного оттенка, плотно облегавшее фигуру.

Адам сидел на заднем ряду, в тени массивных колонн, в строгом черном костюме с чуть помятой белой рубашкой без галстука. Он нервно прикусывал губу до крови.

«Я хочу впиться пальцами в этот шелк, сорвать его, прижать ее к этой холодной колонне прямо на глазах у этих святош... Разорвать её платьишко и подчинить её всю».

В какой-то момент реальный шум зала провалился куда-то сквозь вату. В ушах Адама отчетливо и пугающе громко зазвучал чужой, вкрадчивый голос.

Элиот. Тот самый целитель и прорицатель из прошлого,это был он.

«Адам... Она такая же, как все. Ее отец отмывает церковные деньги на горе убитых людей. Не сделаешь это ты — сделает кто-нибудь другой. Адам... сделай это сегодня».

«Заткнись! Заткнись в моей голове! Откуда ты взялся?!» — лихорадочно билась мысль в сознании Адама.

Шум накрыл его с головой. Адам моргнул — и среди пестрой толпы у парадного входа вдруг увидел его. Элиот стоял неподвижно в своем неизменном угольно-черном костюме-тройке и длинном плаще, с тем же загадочным взглядом.

Сердце Адама рухнуло вниз. Забыв обо всем, он сорвался с места, бросился сквозь ряды стульев, оступился, тяжело упал на пол под удивленные взгляды гостей, но тут же вскочил и рванул дальше.

Задыхаясь, он вылетел из душного зала в пустой полутемный коридор. В самом его конце мелькнула знакомая темная фигура.

Адам сделал последний рывок и, схватившись за косяк, хрипло выдохнул:

— Мистер Элиот... Это вы?

Фигура медленно повернулась. Мужчина окинул его холодным, чужим взглядом:

— Вы меня узнали? — произнес он ровным, лишенным эмоций голосом.

И тут же, с легкой ухмылкой, он шагнул вбок — прямо в проем служебной двери, растворившись в тени. Коридор снова был пуст.

Свозь вязкую пелену тяжелого сна до Адама снова донесся глухой, мерный стук вагонных колес. Но на этот раз к нему примешался еще один звук — тихий, едва слышный плач, сбивающийся на судорожные вздохи.

Он с трудом заставил себя разлепить веки.

У окна сидела Крис, устремив взгляд в беспросветное ночное небо за промокшим стеклом. В полумраке купе ее лицо регулярно озарялось скользящими вспышками пролетавших мимо фонарей. Этот свет выхватывал из тьмы ее профиль, скользил по коже и заставлял блестеть влажные дорожки на щеках. Ее большие карие глаза были полны нескрываемой боли. Она плакала — тихо, пытаясь сдержать подступающие всхлипы.

В голове Адама вспыхнула четкая мысль: нужно проснуться. Преодолеть эту апатию, заставить себя сесть, заговорить с ней. Ей плохо, она нуждается в помощи, нужно узнать, что произошло...

Но тело не подчинялось. Веки снова наливались свинцом, а сознание накрывала тяжелая плита. Сны с Элиотом не преследовали его уже слишком давно — годы покоя заставили поверять, что кошмары прошлого отступили навсегда. Но сейчас темный омут неумолимо затягивал его обратно, и Адам, так и не успев произнести ни слова, снова провалился в небытие.

Глава 9.

Рождение монстра.

После званого вечера Адам с Эмили выскользнули из удушливой атмосферы особняка и направились прогуляться по тихим, прохладным улицам. Недалеко от парка горела вывеска небольшой кофейни. Заведение оказалось невероятно уютным: крошечный зал был погружен в мягкий полумрак, пахло свежемолотой арабикой, корицей и ванилью. Они устроились за дальним столиком в самом уединенном углу, укутавшись в тепло друг друга, и заказали по чашке крепкого ароматного кофе.

Эмили обхватила чашку обеими руками, сделала маленький глоток и радостно улыбнулась, отбросив на плечо прядь волос.

— Знаешь, а вечер в итоге удался, несмотря на все эти фальшивые улыбки в начале, — оживленно заговорила она, сияя глазами. — Особенно когда ты заставил бедного Рика лично сервировать тот десерт. Ты видел лицо этого слуги? Рик вечно ходит с таким видом, будто проглотил шпагу, и считает себя хозяином положения, но сегодня, когда ты отчитал его за остывший кофе, он едва сдерживал бешенство. Пытался сохранить свое фирменное ледяное спокойствие, но у него так дергался правый глаз! Было невероятно смешно за этим наблюдать.

Адам улыбнулся в ответ, но его мысли были совсем о другом.

«Меня завораживает каждый звук ее голоса... То, как дрожат ее ресницы в свете свечи, и то, с какой легкостью она оттаивает рядом со мной. Я просто не могу оторвать от нее глаз.»

Когда кофе был выпит, уходить совсем не хотелось. Адам чуть подался вперед, заглядывая ей в глаза, и негромко произнес:

— Слушай, у меня дома лежит кассета с новым фильмом. Я сам еще не видел, но говорят, вещь стоящая — мистический триллер с элементами драмы, как раз в нашем духе. Поедем ко мне? Посмотрим в нормальной обстановке, без посторонних глаз.

Эмили на секунду замерла, в ее взгляде мелькнула искра легкого сомнения, которая тут же сменилась дерзким, азартным блеском. Она чуть прикусила губу, оценивая всю пикантность ситуации, и кивнула:

— Поехали. Я только за.

Они сели в машину Адама, и личный водитель плавно тронулся с места, разрезая ночные огни города. Через полчаса авто затормозило у массивных кованых ворот его дома. Эмили

вышла из машины и замерла на мгновение, окинув взглядом мрачный, величественный фасад особняка, окутанный ночными тенями. В ее глазах читалась смесь трепета и предвкушения.

Они вошли внутрь. Адам провел ее наверх, в свою комнату, которая служила ему убежищем от всего мира. Но прежде чем закрыть дверь, он спустился на первый этаж, где в холле суетилась прислуга, завершая дела.

Адам окинул их тяжелым, свинцовым взглядом и, чеканя каждое слово, произнес:

— На сегодня все свободны. Можете уходить.

Повисла звенящая тишина. Главная экономка удивленно всплеснула руками:

— Но молодой господин… еще не убран нижний зал, да и ужин гостьи… Разве не нужно приготовить…?

Он оборвал ее ледяным, не терпящим возражений тоном, от которого в жилах стыла кровь:

— Кроме охраны, все свободны. И запомните: охране внутрь дома сегодня не заходить. Никому не подниматься на второй этаж. Вы меня поняли?

Не дожидаясь ответа, Адам развернулся на каблуках, оставив ошеломленную прислугу внизу, и быстро поднялся обратно в комнату, плотно заперев за собой дверь. Вечер только начинался.

Они устроились на широком, глубоком диване в полумраке комнаты. Горел лишь мягкий, приглушенный свет торшера, отбрасывая длинные тени на стены и создавая ту самую камерную, почти осязаемую атмосферу уединения, где весь остальной мир словно перестал существовать.

Адам вставил кассету в видеомагнитофон, и на экране телевизора заплясали мрачные, синеватые отсветы мистического триллера. Но сюжет картины его волновал меньше всего. Все внимание юноши было приковано к девушке, сидевшей рядом.

Эмили немного подтянула колени к груди, укутавшись в плед, и сосредоточенно вглядывалась в экран. Когда на мониторе разворачивались особенно напряженные моменты сюжета, она инстинктивно подавалась ближе к нему, ища защиты или просто тепла.

«Ее духи... этот аромат, смешанный с ночной прохладой, сводит меня с ума. Я больше не могу думать ни о чем другом.»

Каждый раз, когда в фильме звучал драматичный диалог или наступал тихий момент, Адам слегка наклонялся и невесомо, едва касаясь губами, целовал ее в щеку. Его дыхание обжигало ее кожу, и он чувствовал, как она каждый раз вздрагивала. В ответ Эмили с легкой, лукавой улыбкой поворачивала голову, ее дыхание касалось его лица, и она мягко целовала его в ответ — то в щеку, то чуть ближе к уголку губ, превращая просмотр фильма в сладкую, тягучую игру на грани дозволенного.

В какой-то момент напряжение в комнате стало настолько плотным, что экранный триллер окончательно растворился на заднем плане. Адам нажал на паузу. Пугающая тишина опустилась на комнату, нарушаемая только их учащенным дыханием.

Он повернулся к ней всем корпусом, заглядывая в глаза, в которых отражался свет экрана, и больше не мог держать в себе то, что сжигало его изнутри с самого первого мгновения этого вечера.

— Эмили… — голос Адама звучал хрипло и тихо, но в нем не было ни капли сомнения. — Я люблю тебя. Больше не могу это скрывать. Ты нужна мне так, как ничто на этом свете.

Она замерла. На секунду в ее глазах мелькнул испуг — чистый, искренний шок оттого, насколько далеко зашли их слова. Но затем этот испуг растаял, уступая место чему-то бездонному, глубокому и пьянящему.

Эмили медленно выдохнула, опустила взгляд на его губы, а потом снова подняла глаза. На ее лице появилась та самая нежная, беззащитная и невероятно искренняя улыбка, которую она прятала от всего мира за маской холодной неприступности.

Она протянула руку, кончиками пальцев мягко провела по его щеке, заправляя прядь волос ему за ухо, и тихо, но абсолютно твердо произнесла:

— Знаешь, Адам… Ты мне тоже очень нравишься. Больше, чем кто-либо во всем мире. С самой первой минуты, как я тебя увидела, я думала только об этом.

Ее признание прозвучало как заклинание.

«Больше нет никаких границ, никаких масок и фальшивых вечеров... Только мы вдвоем в этой темной комнате, где рухнули все запреты!»

Мир вокруг них вмиг сузился до размеров этого полутемного дивана. Словно сорвав с цепей все тени, что преследовали его весь этот вечер, они бросились друг к другу с диким, ослепляющим голодом. Это были уже не просто робкие прикосновения, а страстный, почти безумный поцелуй, в котором они попытали раствориться без остатка, упиваясь друг другом в удушливом сладостном экстазе.

Рука Адама, подчиняясь животному инстинкту, скользнула под подол ее короткого платья, мягко оглаживая бедро и пытаясь аккуратно стянуть тонкую ткань кружевных трусиков. Эмили тяжело дышала, ее пальцы путались в его волосах, царапая кожу на затылке. Одним плавным, но уверенным движением Адам сбросил с ее плеча тонкую бретельку шелкового лифчика. Ткань подалась, открывая взору ее красивую, упругую грудь, вздымающуюся от бешеного ритма сердца. Он тут же припал губами к ее горячей коже, покрывая поцелуями каждый сантиметр, чувствуя, как она выгибается навстречу, задыхаясь от удовольствия и шепча прямо ему в губы:

— Адам… я люблю тебя…

Его ладонь тем временем настойчиво скользнула ниже, между ее ног, пытаясь преодолеть последние барьеры и забрать то, к чему стремилась каждая клетка его тела.

Но в самый разгар этой пьянящей бури Эмили внезапно замерла. Она перехватила его руку своими дрожащими пальцами и решительно, но мягко отодвинула ее в сторону.

— Погоди… — выдохнула она, отстраняясь на пару сантиметров.

Адам замер, тяжело дыша, сбитый с толку и охваченный горячечной волной.

— Эмили… — хрипло повторил он, глядя в ее расширенные от волнения глаза.

Она опустила взгляд, прикусив губу, и тихо произнесла:

— Подожди… У меня ещё никогда этого не было.

Он растерянно моргнул, пытаясь пробиться сквозь пелену застилавшего разум желания.

— Мы же любим друг друга, в чем проблема? — его голос прозвучал сбивчиво, почти умоляюще. — Ты же сама этого хочешь…

Эмили посмотрела на него долгим, полным смятения и нежности взглядом, а затем крепко обняла за шею, утыкаясь лицом ему в плечо.

— Прости… я не готова, — ее голос дрогнул. — Давай просто досмотрим фильм.

Однако пьянящая волна желания снова захлестнула Адама, смывая все слова и прежние сомнения. Он подался вперед и впился в ее губы новым, обжигающим, безумно страстным поцелуем, в котором смешались и нежность, и проснувшаяся ярость. Одним резким движением юноша полностью освободил ее грудь, сорвав лямки лифчика и отбросив ткань в сторону. Его губы тут же жадно заскользили по ее шее, ключицам и горячей, вздымающейся коже.

Адам спускался все ниже, заставляя ее тело выгибаться дугой. Его пальцы грубо и одновременно страстно сжимали ее тонкое, упругое тело, оставляя следы на коже. В нем словно проснулся дикий, необузданный зверь, которому уже было мало просто слов и ласк. Им двигала темная, непреодолимая сила.

Он резко подался вперед, навалившись на Эмили всем весом и применив силу, чтобы полностью подчинить ее сопротивление своей воле. В этот момент она испуганно выдохнула, пытаясь оттолкнуть его:

— Подожди, Адам… подожди…

Но он уже не мог остановиться. Одной рукой Адам аккуратно, но непреклонно закрыл ей рот, заглушая слова, и, склонившись к самому уху, шепнул хриплым, чужим голосом:

— Малышка… тебе понравится.

Одним плавным и властным движением он вошел в нее. На секунду в затуманенном зеркале напротив промелькнул смутный, высокий силуэт в темном костюме, но дикое, всепоглощающее удовлетворение захлестнуло Адама настолько мощно, что у него не было ни времени, ни возможности вглядываться в отражение.

Комната утонула в звуках этого стихийного, животного процесса. Адам жестко и властно овладевал ею, сжимая ее хрупкое тело до синяков, покусывая кожу на плечах и шее и едва ли не придушивая в порыве безумного экстаза. Эмили задыхалась под ним, вырываясь и шепча сквозь слезы:

— Мне больно… подожди… тише…

Но Адам уже ничего не слышал. Ослепленный темной силой, которая вселилась в него еще в тот вечер у входа, он брал ее снова и снова, не в силах остановиться, пока мир вокруг окончательно не растворился в первобытной буре.

Дверь в комнату приоткрылась без единого звука, но в густом, наэлектризованном воздухе это прозвучало как грозовой раскат. На пороге возник брат Адама — Джек. Для Адама его появление стало неожиданным вмешательством, нарушившим темный морок, однако на его лице в ту же секунду запечатлелась первобытная, слепая ярость.

Лицо Адама мгновенно налилось темно-красной кровью, вены на висках и шее вздулись от адреналина, а взгляд стал безумным и хищным. Оторвавшись от Эмили, он резко обернулся на непрошеного гостя. Под его ладонью Эмили оставалась лежать неподвижно: рот ее был прикрыт, дыхание сбилось, а в затуманенных глазах читалась странная, пугающая отрешенность. Она больше не пыталась вырываться, но по ее застывшему взгляду было совершенно непонятно, чего именно она хочет — смирения перед неизбежным или спасения.

Адам, тяжело и судорожно дыша, замер над ней хищной тенью, вперив в вошедшего брата полный смертельной ненависти взгляд, готовый разорвать любого, кто посмел нарушить эту границу.

Джек даже не подумал смутиться или отступить. Напротив, уголки его губ тронула неприятная, ленивая улыбка. Сняв через голову футболку и обнажив рельефный торс, он вальяжно шагнул вглубь комнаты.

— Ого, Адамчик… я смотрю, ты отлично подготовился к моему приезду и даже вызвал девчонку на вечер, — протянул он с издевкой в голосе, не сводя оценивающего взгляда с кровати.

В этот момент в глазах Эмили вспыхнул настоящий, первобытный ужас. Вся ее прежняя отрешенность и оцепенение испарились в секунду, сменившись паникой. Она резко дернулась, отталкивая от себя все еще кипящего от ярости Адама, и судорожно задохнулась от подступивших слез.

Не обращая внимания на собственную наготу, девушка в два счета соскользнула с дивана, дрожащими пальцами сгребла в охапку раскиданную по полу одежду и, издав тихий, испуганный всхлип, бросилась к двери. Забыв про стыд, совершенно голая, прижимая платье к груди, она вылетела из комнаты в темный коридор, спасаясь бегством от этого кошмара.

Глаза Адама сузились до точек, а пальцы сжались в кулаки с такой силой, что побелели костяшки. Он резко поднялся с постели, заслоняя собой растерзанное пространство комнаты, и выплюнул сквозь зубы:

— Какого чёрта ты делаешь? Почему ты без стука врываешься в мою комнату?!

Джек даже не дернулся. Он лишь лениво усмехнулся, перекладывая вес на одну ногу и с презрительным вызовом глядя на разъяренного брата.

— Я стучал! Я предупреждал, что приеду, еще неделю назад, — громко и раздраженно ответил он, повышая голос. — И вообще, где отец? Что здесь происходит, мать твою? Где вся прислуга в этом доме? И почему ты, черт побери, вечно не закрываешь двери на замок? Откуда я знал, чем вы тут занимаетесь? Ты просто в порыве своей безумной слепой страсти или затуманенного пубертата ничего вокруг не слышал!

Адам качнулся вперед, закипая от злобы, и процедил сквозь зубы короткую, уничтожающую фразу:

— Проваливай отсюда, ублюдок, пока я тебе челюсть не сломал.

Джек расхохотался — громко, фальшиво и уничижительно. В его взгляде промелькнула смесь издевки и абсолютного отвращения. Он сделал шаг ближе, глядя на Адама сверху вниз с ледяной насмешкой:

— Ой, посмотрите-ка на этого дикого зверя. Как был никчемным инвалидом, так и остался немощным, ущербным уродцем, — бросил он с презрением. — Даже бабу нормально удовлетворить не смог — лежала вся в шоке, в слезах и тряслась от страха. Жалкое зрелище, Адамчик.

Джек презрительно фыркнул, развернулся на пятках и вышел в просторный лестничный холл, небрежно бросив напоследок какую-то издевку.

Адам остался стоять посреди растерзанной комнаты, тяжело и прерывисто дыша.

«Внутри всё клокочет от ярости... И от этого удушливого, отвратительного отчаяния...»

В этот момент его взгляд случайно упал на массивное настенное зеркало. Поверхность стекла пошла рябью, и в отражении вновь проступил тот самый зловещий, высокий силуэт в темном костюме.

Адам замер, вглядываясь в очертания. Силуэт качнулся, и из тени проявилось лицо Элиота. Его губы не шевелились, но гулкий, пронизывающий до костей шепот зазвучал одновременно отовсюду — казалось, эти слова исходили из самых дальних уголков холла, от стен, от потолка, прямо из головы Адама:

— Самое время отомстить... Отомсти за себя. Отомсти за мать. Отомсти ему.

Этот голос стал последней искрой, упавшей в пороховую бочку. Жгучая волна слепой, первобытной ненависти полностью затопила разум, вытеснив любые остатки сомнений и страха. В глазах потемнело.

«Отомстить... Да. Я уничтожу его!»

Адам сорвался с места. В два больших шага выскочив на лестничный холл, он увидел спину брата, который неспешно спускался к пролету.

— Эй! — прорычал Адам диким, сорванным голосом.

Адам подошел вплотную, но Джек лишь раздраженно отмахнулся:

— Что ты хочешь? Отстань от меня, я к себе .

— Нет, подожди, — чеканя слова, Адам грубо схватил его за рукав и дернул на себя.

Джек вынужден был обернуться. На его лице читалась глубокая, надменная усталость, а взгляд был полон ядовитого пренебрежения.

— Ты можешь от меня отстать? — с издевкой выдохнул братец. — Я извинился уже, что зашел в твою комнату и прервал ваш сомнительный половой акт. Я к себе, всё, отстань от меня.

В груди Адама мгновенно вспыхнуло глухое, яростное пламя.

— Ты что о себе возомнил? — прошипел Адам, шаг за шагом подступая ближе. — Ты всю жизнь думал, что ты лучше меня!

— А что, это не так?! — перебил его Джек, и его лицо перекосила злобная, переполненная желчью гримаса. Потеряв остатки наигранного спокойствия, он подался вперед и заговорил ядовито, с наслаждением вонзая каждое слово прямо в сердце брата: — Я всегда был лучше тебя! Ты как был инвалидом, так и остался! Это ты довёл мать! Мама из-за тебя умерла!

Она нервничала из-за твоих психов, поэтому и заболела! Признай это, Адам! Ты погубил нашу семью, ты погубил всё!

«Каждое его слово резало по живому, как ржавое лезвие. Мама... Он смеет прикрываться мамой?! Во мне разорвалась последняя нить, сдерживавшая монстра».

Слепленный бешенством, Адам со всей силы толкнул Джека в грудь.

Джек качнулся, но удержался на ногах. В тот же миг его глаза налились бешеным, наливающимся кровью гневом. Издав дикий, почти звериный рык, он набросился на Адама и с размаху прижал его к резным перилам на самом краю лестничного пролета.

Пальцы Джека мертвой хваткой впились в горло Адама.

Плотные, тяжелые пальцы брата сжали кадык, намертво перекрывая кислород. Адам судорожно дёрнулся, попытался вцепиться в запястья Джека, разорвать этот железный захват, но тот давил всей массой тела, вымещая всю накопленную ненависть.

«Воздух... Боже, я не могу вдохнуть! В легких огонь! Легкие взрываются!»

Мир вокруг Адама начал стремительно пошатываться и темнеть. В ушах зазвенел оглушительный, удушающий гул, перед глазами поплыли кроваво-красные пятна. Наступала стремительная, мучительная асфиксия. Сердце колотилось о ребра, как пойманная птица, лицо заливалось багровым кипятком, а пальцы Адама беспомощно скользили по влажной коже Джека, теряя последние силы. Смерть стояла совсем рядом — внизу угасал свет, а сверху на него с диким оскалом смотрело перекошенное лицо брата.

И в тот момент, когда сознание Адама уже почти угасло в черной бездне удушья, где-то в самых глубоких, темных пластах его души проснулась неимоверная, чудовищная сила. Это не была сила его ослабевшего тела — это был первобытный, сжигающий инстинкт выживания, темный импульс, вырвавшийся наружу, точно взрыв.

С диким, глухим хрипом, скопившимся в перекрытом горле, Адам резко выкинул руки вперед и со всей дурью, на которую только был способен, рванул и оттолкнул Джека от себя.

Удар получился настолько сокрушительным, что Джек потерял равновесие. Его ноги скользнули по гладкой поверхности верхнего марша, пальцы разжались, выпустив горло Адама, и Джек с глухим криком полетел вниз по лестнице.

Тяжелое тело Джека с жутким, шумом покатилось вниз по длинной мраморной лестнице, считая каждым суставом острые ступени, пока с оглушающим ударом не замерло у самого подножия в неестественной, сломанной позе.

Адам упал на колени у края пролета, судорожно, с захлебывающимся кашлем жадно хватая ртом холодный воздух, и с ужасом смотрел вниз на неподвижное тело братца...

Джек лежал на мраморном полу в неестественной позе, абсолютно неподвижный. Из-под его закинутой головы на холодный камень начала быстро расползаться темная, густая лужа крови.

В ту же секунду весь хмельной морок спал. Осознание того, что Адам только что натворил, ударило в голову с силой кувалды. Липкий, леденящий ужас сковал тело. Ноги подкосились, и он, задыхаясь от паники, рухнул в самый темный угол лестничной площадки. Забившись в тесное пространство, Адам судорожно закрыл голову руками и затрясся всем телом, не смея больше взглянуть на то, что осталось внизу.

Сердце Адама заколотилось в бешеном, рваном ритме, с силой ударяясь о ребра. Сквозь липкий наст кошмара снова пробился тяжелый металлический гул — стук колес поезда, мерный и безжалостный.

В этот момент Адам отчетливо осознал: он больше не может и не хочет переживать всё это снова. Каждая вспышка из прошлого жгла как раскаленное железо. Он судорожно рвался назад — в тихое купе, в укрытую полумраком реальность, подальше от оживших воспоминаний.

Но невидимая тьма не отпускала. Сама эта ночь или глубинная травма заставляла его проживать пережитый ужас снова и снова, закручивая в бесконечную петлю памяти.

Сцепив зубы, Адам сделал невероятное усилие, пытаясь разорвать путы сна и вытолкнуть сознание на поверхность. На одно короткое мгновение веки дрогнули и приоткрылись.

В расплывчатом свете ночника перед ним выхватился силуэт Крис. Она держала возле самых губ телефон и тихим, но резким, сдавленным от эмоций шепотом надиктовывала кому-то голосовое сообщение:

«...я не уверена в тебе. Понимаешь? Я не уверена в тебе ни как в человеке, ни как в мужчине... С чего ты вообще взял, что...»

Отрывистые фразы мгновенно потонули в очередном стыковом грохоте состава. Адам попытался зацепиться за ее голос, за этот шепот, но силы мгновенно иссякли. Тяжелая, вязкая тьма снова сомкнулась над головой, и реальность купе окончательно растворилась, утягивая его обратно на глубину.

Глава 10.

Начало конца.

Эта ночь казалась бесконечной. Адам так и сидел в углу холодной площадки, вжавшись плечами в стены, онемевший и дрожащий.

«Слёз не было — их выжгло на корню, оставив лишь первобытный, осязаемый животный страх. Это был чистый, эгоистичный ужас разоблачения: меня трясло не от раскаяния, а от липкой паники перед тем, что будет со мной, когда всё вскроется».

Окна на лестнице были распахнуты настежь. Ночь жила своей равнодушной жизнью: за ними монотонно и беспристрастно стрекотали сверчки, шумел ночной ветер, и это резкое, живое дыхание природы странно контрастировало со зловещей тишиной дома. Время словно сошло с ума — оно бежало против Адама, но для него самого намертво замерло в этой точке.

Внизу, у самого подножия лестницы, неподвижно лежал его брат Джек. Его руки были раскинуты в стороны под неестественными углами, один ботинок слетел, обнажив бледную стопу, а под разбитой головой уже налилась большая, глянцево-тёмная лужа крови, зловеще блестевшая в тусклом свете луны.

«Глядя на него сверху, я чувствовал, как внутри меня перемешались леденящий ужас, отвращение и глухое оцепенение».

Адам перевёл взгляд ниже — на просторный холл первого этажа — и вдруг замер. На массивном кожаном диване кто-то сидел.

Адам вжался в угол ещё сильнее, вглядываясь в сгущающуюся внизу темноту, пока зрение не сфокусировалось. Фигура отделилась от мрака. Это был мистер Элиот.

Он неспешно поднялся с дивана, расправил лацканы своего безупречного чёрного костюма и сделал шаг вперёд. Брезгливо, словно переступая через грязь или выброшенный мусор, он обошёл мертвеца, не удостоив тело даже мимолётным взглядом, и начал медленно подниматься по ступеням к Адаму.

Каждый его шаг отдавался глухим эхом. Он поднимался наверх, глядя на Адама тем же ледяным, пронзительным взглядом, от которого кровь стыла в жилах — точно так же, как тогда, когда юноша впервые увидел его в мрачном зеркале. Только в этот раз он шёл снизу вверх, неумолимо сокращая расстояние, словно палач, идущий за своей законной добычей.

Когда мистер Элиот почти приблизился, Адам, судорожно сглотнув ком в пересохшем горле, испуганно прошептал:

— Мистер Элиот... это вы? Как вы здесь оказались?

Он сильнее вжался спиной в холодную стену, хватая ртом воздух, и его голос сорвался на безумный, надрывный шёпот:

— Мистер Элиот, я... я, я не знаю, как это случилось! Будто... будто это был вовсе не я! Я ужасный человек, я убил собственного брата, я такой омерзительный, я...

Адам закрыл лицо дрожащими ладонями, ожидая услышать приговор, презрение или ледяной смех.

Но мистер Элиот лишь мягко, почти невесомо положил свою холодную руку ему на плечо.

«Его прикосновение обожгло меня, но странным образом заставило умолкнуть».

Мужчина слегка наклонил голову, глядя на парня сверху вниз с пугающим спокойствием.

— Успокойся, — негромко, но властно произнёс он, и в его голосе не было ни капли осуждения. — Прекрати эту жалкую истерику. Возьми себя в руки.

— Но вы не понимаете... — всхлипнул Адам, судорожно цепляясь пальцами за его рукав. — Я лишил человека жизни! Крови... там столько крови! Меня посадят, меня проклянут, я разрушил всё... Разве вы не видите, какой я монстр?

Мистер Элиот чуть заметно усмехнулся, и в его глазах блеснул тёмный, непреклонный свет.

— Монстр? — переспросил он ровным, чеканящим каждое слово голосом. — Ты называешь монстром себя за то, что убрал с дороги мусор? Послушай меня внимательно, Адам. Перестань распускать сопли и посмотри правде в глаза. Ты не сделал ничего дурного. Ты сделал всё абсолютно правильно.

Адам замер, испуганно моргая и глядя на него снизу вверх.

— Твой братец, — продолжил мистер Элиот, чуть наклонившись к нему ближе, — был самым настоящим отбросом общества. Самовлюбленный, пустой, богатеющий на чужих слезах недоумок, который всю жизнь только и делал, что самоутверждался за чужой счёт. Ты думаешь, кто-то будет оплакивать этого паразита? Такие люди не оставляют после себя ничего, кроме грязи. Он унижал тебя, он смеялся над твоей болью, он растоптал бы тебя при первой же возможности и даже не моргнул бы.

— Но... это же убийство... — выдавил Адам.

«Я чувствовал, как в груди под воздействием его слов начинает происходить какая-то страшная трансформация: липкий страх постепенно отступал, уступая место зловещему, пьянящему облегчению».

— Это не убийство, Адам. Это правосудие, — жёстко отрезал мистер Элиот. — Естественный отбор. Слабые и ничтожные уступают место тем, у кого есть воля. Ты наконец-то перестал быть мальчиком для битья. Ты ударил первым. Ты защитил своё достоинство и свой дом от этого наглого выскочки. Гордись этим, а не скули в углу, как побитая собака.

«Его уверенность передавалась мне с пугающей скоростью. Каждое его слово работало как бальзам на мою израненную, забитую психику».

— Правда?.. — тихо прошептал Адам.

«Я чувствовал, как дрожь в коленях постепенно утихает, а внутри зажигается холодный, ровный огонёк новой силы».

— Абсолютная правда, — мистер Элиот выпрямился, поправляя манжеты. — А теперь вставай. Хватит прятаться в темноте.

Не намереваясь терпеть жалобные всхлипывания юноши, мистер Элиот резким, властным движением схватил Адама за плечи и принялся яростно трясти, возвращая его из спасительного оцепенения в суровую реальность.

— Вставай! — его голос прозвучал как удар хлыста, разрезав ночную тишину. — Хватит раскисать!

Адам судорожно вздохнул, хватая ртом воздух.

«Под воздействием его жёстких манипуляций туман в голове начал рассеиваться».

Мистер Элиот отпустил его, тяжело вздохнул, поправил идеальные манжеты и посмотрел на Адама сверху вниз холодным, пронизывающим взглядом:

— А теперь приведи себя в порядок. Умойся, надень рубашку, спустись к охране и немедленно отпусти их. Всех до единого, быстро! Чтобы к утру здесь не было лишних глаз и ушей. Выполняй.

Адам кивнул.

«Я чувствовал, как внутри меня начинает работать холодный, механический рассудок».

Поднявшись на ватных ногах, он заперся в своей комнате. Зеркало над раковиной в ванной пугало: бледное, заляпанное чужими брызгами лицо, дикие, лихорадочно блестящие глаза. Адам открыл кран с ледяной водой и принялся жадно черпать её ладонями, смывая с кожи остатки слёз, пота и липкого страха. Вода колола кожу тысячами иголок, приводя в чувство. Он тщательно вытерся, переоделся в чистую тёмную рубашку, глубоко вдохнул и начал свой путь вниз.

Преодолевая лестничный пролёт, Адам старался даже не смотреть в сторону тёмного пятна на полу — его мозг услужливо отгородился от этого глухой стеной.

Выйдя из парадного входа, он ступил в ночной сад. Воздух после грозы был густым, влажным и прохладным, пахло мокрой листвой, тяжелой сыростью и ночными цветами. Сад казался безмолвным свидетелем только что разыгравшейся трагедии, но природа оставалась безразлична к человеческой крови.

Адам пересёк аллею и направился к небольшому гостевому домику охраны, где в окнах горел тусклый свет. Постучав, он отворил дверь.

За столом сидел старший смены, пожилой и невозмутимый охранник Николай, а рядом с ним дремал молодой стажёр. Они удивленно подняли головы на этот внезапный ночной визит.

— Доброй ночи, Адам... что-то случилось? — настороженно спросил Николай, поднимаясь со стула. Его взгляд цепко скользнул по изменившемуся лицу юноши.

Адам постарался выровнять голос, сделать его максимально холодным и властным, перенимая манеры мистера Элиота:

— Да, случилось. Отменяется дежурство. Срочный приказ отца. Вы оба свободны на ближайшие трое суток, уходите прямо сейчас.

Охранник опешил, нахмурив брови:

— Но, молодой господин... как же охрана периметра? Инструкция...

— Я сказал — свободны! — повысил тон Адам, вложив в голос столько стали, что стажёр за столом мгновенно вскочил на ноги. — Никакой охраны на эту ночь и ближайшие дни здесь не будет. Сдавайте ключи, садитесь в машину и уезжайте. Это приказ, и спорить со мной никто не будет. Выполняйте.

Николай подозрительно посмотрел на юношу ещё пару секунд, словно пытался разгадать лихорадочный блеск в его глазах, но спорить с хозяевами было не в его правилах. Тяжело вздохнув, он молча снял с крючка связку ключей, положил их на стол и бросил короткое:

— Как скажете. Уходим.

Спустя несколько минут гул мотора их служебной машины разорвал тишину ночного сада, и автомобиль скрылся за воротами. Адам остался в поместье один.

Он вернулся в дом.

«Я чувствовал, как в груди стучит уже не страх, а странное, зловещее предвкушение».

В холле его ждал мистер Элиот. Он нетерпеливо оглянулся на звук шагов и сразу же спросил:

— Где машина этого недоумка? — его голос прозвучал резко и требовательно.

— В... в подземном гараже, — ответил Адам, сглатывая вязкую слюну.

— Иди и найди ключи. Живо пригони её к парадному входу, — приказал он тоном, не терпящим возражений.

Адам кивнул и бросился в кабинет отца — Артура, где брат обычно оставлял свои вещи. Сердце колотилось где-то в горле. Руки тряслись, когда юноша начал лихорадочно шарить по

ящикам стола, разбрасывая бумаги и конверты. В кои-то веки удача улыбнулась ему: в глубокой кожаной шкатулке для часов звякнула тяжёлая связка с брелоком. Схватив ключи, он стремглав выбежал на улицу, спустился в прохладный полумрак подземного гаража, нашёл спортивную иномарку Джека, завёл её с пол-оборота и, взревев мотором, выгнал прямо к парадному входу дома, резко затормозив у крыльца.

Когда Адам выключил зажигание и распахнул дверцу, его ждал новый шок. В холле дома уже находились двое незнакомцев. От одного их вида кровь застыла в жилах. Это были рослые, чудовищно огромные мужчины с бледной, сероватой кожей, тусклыми, совершенно пустыми глазами и застывшими лицами. Они двигались механически, издавая вокруг себя жуткий холод мертвечины, и ни на секунду не смотрели никому в глаза — казалось, они лишены какой-либо воли, напоминая оживших мертвецов из страшных кошмаров.

Мистер Элиот стоял рядом с ними и отдавал короткие, рубленые приказы, глядя на то, как те без лишних слов направляются к лестнице, где лежал убитый Джек:

— Поднимайте его быстрее. Живо несите в машину. Адам! — он резко перевёл взгляд на парня. — Садись за руль. Нам нужно избавиться от этого мусора, пока не рассвело. Выполняй!

Спортивная иномарка сорвалась с места, взвыв мотором на пустых ночных улицах. Адам судорожно вцепился в руль, чувствуя, как шины шуршат по влажному асфальту. На заднем сиденье и в багажном отделении лежало то, от чего нужно было избавиться как можно скорее, но в салоне не было слышно ни звука — только мерное, пугающее дыхание тех самых молчаливых гигантов, сидевших сзади.

Они выехали за город, к старому серпантину над крутым обрывом, где дорога делала резкий, слепой поворот перед заброшенным карьером. Мистер Элиот, сидевший на пассажирском сиденье рядом, бросил на Адама холодный взгляд и кивнул:

— Здесь. Давай.

Адам вдавил педаль газа в пол, разгоняя машину до предельной скорости. За секунду до поворота, подчиняясь жёсткому приказу Элиота, он резко выкрутил руль вправо и на полном ходу направил автомобиль прямо в хлипкое металлическое ограждение.

Удар был оглушительным. Металл заскрежетал, стекло разлетелось вдребезги, и машина, проломив барьер, полетела вниз, переворачиваясь в воздухе, прямо в глубокую каменистую пасть карьера. Гулкий грохот металла, ломающегося о камни, эхом пронёсся по ночному лесу.

Едва иномарка замерла на дне обрыва, те двое гигантов бесшумно и мгновенно выскользнули из искорёженного салона, действуя с нечеловеческой, пугающей слаженностью. Один из них облил салон бензином из заранее приготовленной канистры, а второй чиркнул зажигалкой.

В ту же секунду яркая вспышка взметнулась ввысь, жадно пожирая пластик, обивку и металл. Огонь взметнулся до небес, ревя и треща, стирая любые следы катастрофы, любые улики и саму личность Джека в этом безумном пламени.

Пешком выбравшись обратно на дорогу и поймав попутку, под утро Адам вернулся домой.

Отворяя тяжёлую парадную дверь, он ожидал увидеть мистера Элиота или его молчаливых помощников в холле. Но дом встретил его абсолютной, звенящей тишиной. Никого. Ни единого звука, ни следа их присутствия. Мистер Элиот и те двое мужчин просто исчезли, растворившись в ночи так же внезапно, как и появились, оставив Адама наедине с новой, страшной реальностью.

Дальше всё поплыло, смешалось в тягучий, удушливый туман.

Адам переступил порог дома, и его окатила ледяная, абсолютная пустота. Здесь больше никто не жил. Не было больше ни раздражающего смеха брата, ни тяжёлых шагов отца. В зловещей тишине пустых коридоров реальность начала плавиться.

В глазах резко потемнело, и в конце полумрачного коридора, ведущего на задний двор, отчётливо возникла фигура матери. Она молча стояла у стеклянной двери, собираясь выйти в сад. Сердце Адама пропустило удар.

— Мама! — диким, сорванным голосом завопил он и со всех ног бросился вперёд.

Он подбежал к стеклу, в отчаянии ударив по нему ладонями, но в тот же миг образ дрогнул и начал растворяться. Перед тем как исчезнуть окончательно, мать медленно повернула голову. Её взгляд не выражал испуга или радости — только глубокое, бесконечное сожаление и тяжёлое, едкое презрение, от которого всё внутри обожгло ледяной болью. Адам остался один перед пустой, запертой дверью.

Обессиленный, с гудящей от напряжения головой, он побрёл наверх в свою комнату.

«Я ожидал, что проведу эту ночь в кошмарах, задыхаясь от паники и образов догорающей машины. Но едва моя голова коснулась подушки, навалилась странная, свинцовая тяжесть. На удивление, я проспал мертвецким, глубоким сном без единого сновидения, без единой мысли. Будто вместе с братом из меня выжгли последнюю способность чувствовать вину».

Его разбудила барабанная дробь в дверь, смешивавшаяся с пронзительным, режущим уши воем полицейских сирен за окном.

Адам резко сел на кровати, с трудом разлепив веки. В комнате царил густой полумрак. Он посмотрел на часы и замер: цифры показывали следующий день. Он проспал почти сутки, провалившись в беспамятство почти на двадцать четыре часа.

Снизу доносился настойчивый, громкий стук, от которого гудели стены. Тяжело поднимаясь с постели, Адам ощутил странную лёгкость во всём теле.

«Никаких угрызений совести, ни единой тени вчерашнего кошмара».

Накинув домашние брюки, он босиком спустился по лестнице в пустой, погружённый в ночную темноту холл.

Стук стал ещё громче. Адам повернул замок, распахнул тяжёлую створку и отшатнулся от яркого света фонарей, ударившего в глаза.

На пороге стояли двое полицейских. Их лица были серыми, осунувшимися и тяжёлыми, надетые фуражки слегка отбрасывали тень на скорбные морщины у глаз. Старший из них, с глубокими залысинами и усталым от бессонницы лицом, выглядел так, будто ему приходилось сообщать о трагедиях каждый день своей жизни. Второй, молодой парень с бледными губами и подрагивающим уголком рта, старался вообще не смотреть Адаму в глаза, переводя взгляд на ухоженные кусты у крыльца.

— Доброй ночи... точнее, уже утра, — глухо начал старший, приложив два пальца к козырьку. — Офицер Смит, а это мой напарник, сержант Уилсон. Скажите, вы Адам Джонсон? Мы разыскиваем родственников Джека Джонсона.

При звуке имени брата внутри Адама на миг всё застыло.

«Оцепенение сковало голосовые связки. Брат... Я так привык думать о нём как о «недоумке», «братце» или просто раздражающем шуме, что услышать его полное имя из чужих уст оказалось странно и непривычно. Мозг на доли секунды споткнулся, переваривая эту чужую официальность».

Адам сглотнул вязкую слюну и постарался сделать голос максимально ровным, беззаботным и холодным:

— Да, я его брат. Но его сейчас нет. Он переехал, учится в другом месте, редко бывает дома. А что случилось?

Офицер Смит тяжело вздохнул, переглянулся с напарником и сделал шаг вперёд, переступая порог дома, словно принося с собой холод ночной улицы.

— Боюсь, у нас плохие новости, молодой человек, — его голос прозвучал тихо, но каждое слово падало на пол с тяжестью свинца. — Сегодня ночью на старом серпантине у заброшен-

ного карьера произошло ЧП. Автомобиль... спорткар, зарегистрированный на Джека Джонсона, вылетел с обрыва и сгорел дотла.

Адам замер, изображая на лице идеальное, тщательно дозированное удивление.

«В то время как внутри царила абсолютная, ледяная тишина».

— Мы подняли остатки машины наверх, — продолжал Смит, тяжело глядя ему прямо в глаза. — Опознать транспортное средство удалось по номерам и VIN-коду. Внутри салона... эксперты обнаружили человеческие останки. Сильное обгорание, но... мы почти уверены, что это он. Вы должны проехать с нами в участок для опознания личных вещей и оформления документов.

Молодой сержант за спиной старшего сглотнул и тихо добавил, опуская голову:

— Мне очень жаль, парень... Примите наши соболезнования. Твоей семье придётся пережить тяжёлые дни.

Адам медленно кивнул, опуская ресницы, чтобы скрыть торжествующий блеск в глазах, и ответил мягким, заученным тоном:

— Подождите, тут какая-то ошибка... Он сейчас в другом городе живёт, я просто уверен, это не он.

Поездка в полицейский участок, а затем в судебно-медицинский морг пролетела как в бесшумном кино. Всё шло своим чередом, по казённым, отлаженным рельсам. Адам сидел на заднем сиденье патрульной машины, глядя на проплывающие мимо ночные фонари.

«Я чувствовал лишь абсолютную, звенящую пустоту. Ни страха, ни радости, ни капли сочувствия».

Когда их провели в холодное, пропахшее хлоркой и формалином помещение морга для официального опознания, судмедэксперт молча кивнул на металлический стол, укрытый белой простынёй, и приподнял край. На подносе лежали оплавленные часы, цепочка и фрагменты обуви, чудом уцелевшие в том адском пламени.

Адам подошёл ближе, взглянул на эти безжизненные улики... и ничего не почувствовал.

«Внутри меня была выжженная пустыня».

Он безучастно кивнул, подтверждая личность брата, словно речь шла о какой-то сломанной детали, а не о человеком.

В этот момент тяжёлая дверь морга с грохотом распахнулась, и в помещение ворвался отец.

Артур летел частным самолётом семейства Джонсон, безумно испуганный, сбитый с толку. Вся его напускная спесивость, железная выправка и холодная властность исчезли без следа. Он больше не думал о том, как выглядит со стороны, не заботился о статусе и мнении окружающих. Артур был сломлен. Отец бросился к столу, не замечая никого вокруг, рухнул на колени перед страшными останками и завыл раненым зверем:

— Сынок... как же так, сынок... Джек, мой мальчик, открой глаза, прошу тебя, сынок!.. — он захлёбывался слёзами, сжимая в дрожащих руках края простыни, пока подоспевшие охранники и полицейские деликатно, но настойчиво пытались оттащить его назад, поднимая с холодного пола.

В этот момент пустой, ледяной взгляд Адама случайно столкнулся с глазами отца.

Артур на миг замер, захлебнувшись собственным криком. Он заглянул в глаза сына и вместо скорби увидел зловещую, непроглядную бездну — холодный, чужой взгляд человека, внутри которого погасло всё человеческое.

Отец застыл, словно парализованный ударом тока. На секунду в его расширенных от слёз зрачках промелькнуло страшное, жуткое прозрение. Он ничего не сказал — слова застряли у него в горле.

Затем Артур пошатнулся, едва не рухнув в обморок на холодный кафельный пол. Подоспевшие сотрудники морга успели подхватить его под руки, но он даже не замечал их помощи. Его глаза, полные дикого, липкого ужаса, продолжали судорожно цепляться за фигуру Адама.

Отец всё ещё смотрел на него — на его абсолютно бесчувственное, каменное лицо. И в этот момент, не выдержав внутренней бури ликующей темноты, уголки губ Адама дрогнули, расплываясь в едва заметную, холодную и зловещую ухмылку. Артур содрогнулся всем телом, окончательно осознав всю глубину кошмара, но сделать уже ничего не мог.

Глава 11.

Переезд.

Похороны прошли на следующий день. На погосте стояла тяжелая, давящая тишина, нарушаемая лишь глухим стуком комьев сырой земли о крышку гроба да сдавленными рыданиями.

Отец, Артур, больше не думал о том, как выглядит со стороны. Он не позировал для светской хроники и объективов камер, как бывало прежде. Отец был совершенно неузнаваем: осунувшийся, с сожженными от слёз глазами, в мятом черном костюме, он словно постарел на десяток лет. Артур сидел на складном стуле у самой могилы, безутешный и полностью раздавленный, не произнося ни единого слова.

К нему то и дело подходили знакомые и деловые партнеры, пытаясь выразить поддержку.

— Артур... Держись, ради Бога, мы все в шоке. Если понадобится помощь с фондом или делами, звони в любое время, — склонившись над ним, тихо говорил старый компаньон по фамильному бизнесу.

Отец лишь тяжело качал головой, не поднимая глаз на говорившего, и беззвучно шептал пересохшими губами:

— Оставьте меня... ради Бога, оставьте...

Чуть в стороне от толпы, в тени раскидистого клена, стояла тетушка Мэри. Ее глаза опухли от слёз, но плакала она не столько по погибшему племяннику, сколько от липкого, невыносимого ужаса. Мэри не сводила с Адама пристального, тяжелого взгляда, в котором читался звериный страх. Проигнорировав горюющего Артура, она решительно зашагала к Адаму, обходя скорбные группы людей.

«Чего она уставилась? Смотрит так, будто я прямо сейчас превращусь в монстра и сожру её вместе с этим кладбищем...» — подумал Адам, наблюдая за ее приближением.

Остановившись в шаге от юноши, тетушка Мэри схватила его за локоть ледяными, подрагивающими пальцами и прошептала срывающимся голосом:

— Адам... я так беспокоюсь за тебя. Мне снилась Элен... Она плакала, Адам! Плакала над твоей детской фотографией...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.